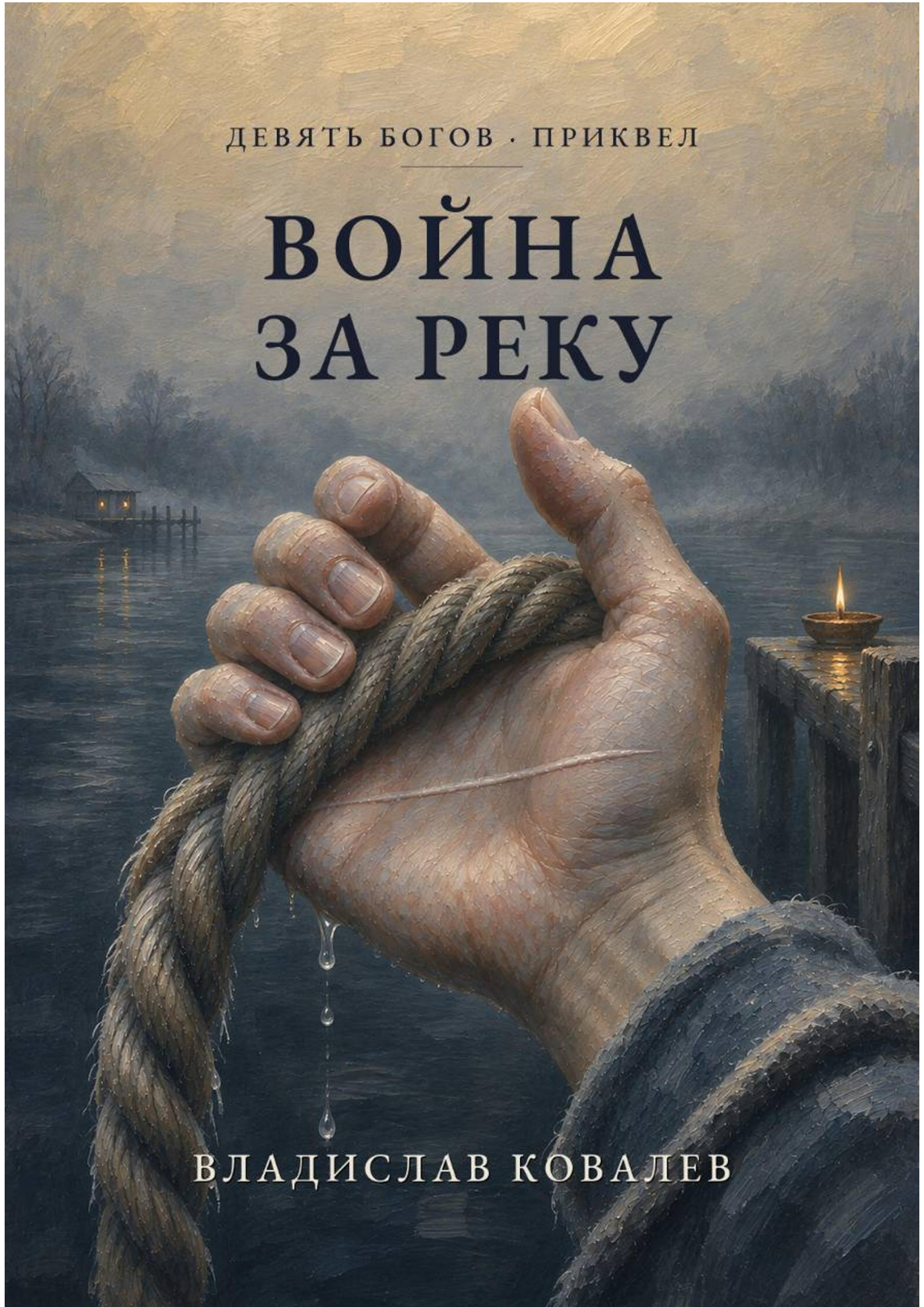
ДЕВЯТЬ БОГОВ · ПРИКВЕЛ

ВОЙНА ЗА РЕКУ

ВЛАДИСЛАВ КОВАЛЕВ

Владислав Ковалев

Война за реку

«Автор»
2026

Ковалев В. А.

Война за реку / В. А. Ковалев — «Автор», 2026

За много веков до того, как боги умерли, их было не девять. Над рекой стояли старые: Ваарґут, бог Долга и Меры, и Кардун, у знака которого людям не хватает воздуха.Морвен ведёт книгу у ворот Ваарґута и сверяет, кто переправляется на тот берег. Перевозчика Ремека он сам отвёл к хозяину на обряд и обещал вернуть домой, а теперь Ремек сидит за рекой, в караульном доме Кардуна. Чтобы сдержать слово, Морвен нарушает приказ хозяина и отпускает товарища, Элиара, который знает о Ваарґуте то, чего Морвен знать не хочет. Теперь у Морвена есть долг, и платить по нему придётся не деньгами.Перевозчики, мельники, лодочники и писари с трёх берегов впервые решают держать реку сами. Среди них девять человек, которых однажды назовут богами.Первая книга приквела к циклу «Девять богов» — тёмное фэнтези о войне без великих битв, где счёт ведут на лодки, мешки и имена.

© Ковалев В. А., 2026
© Автор, 2026

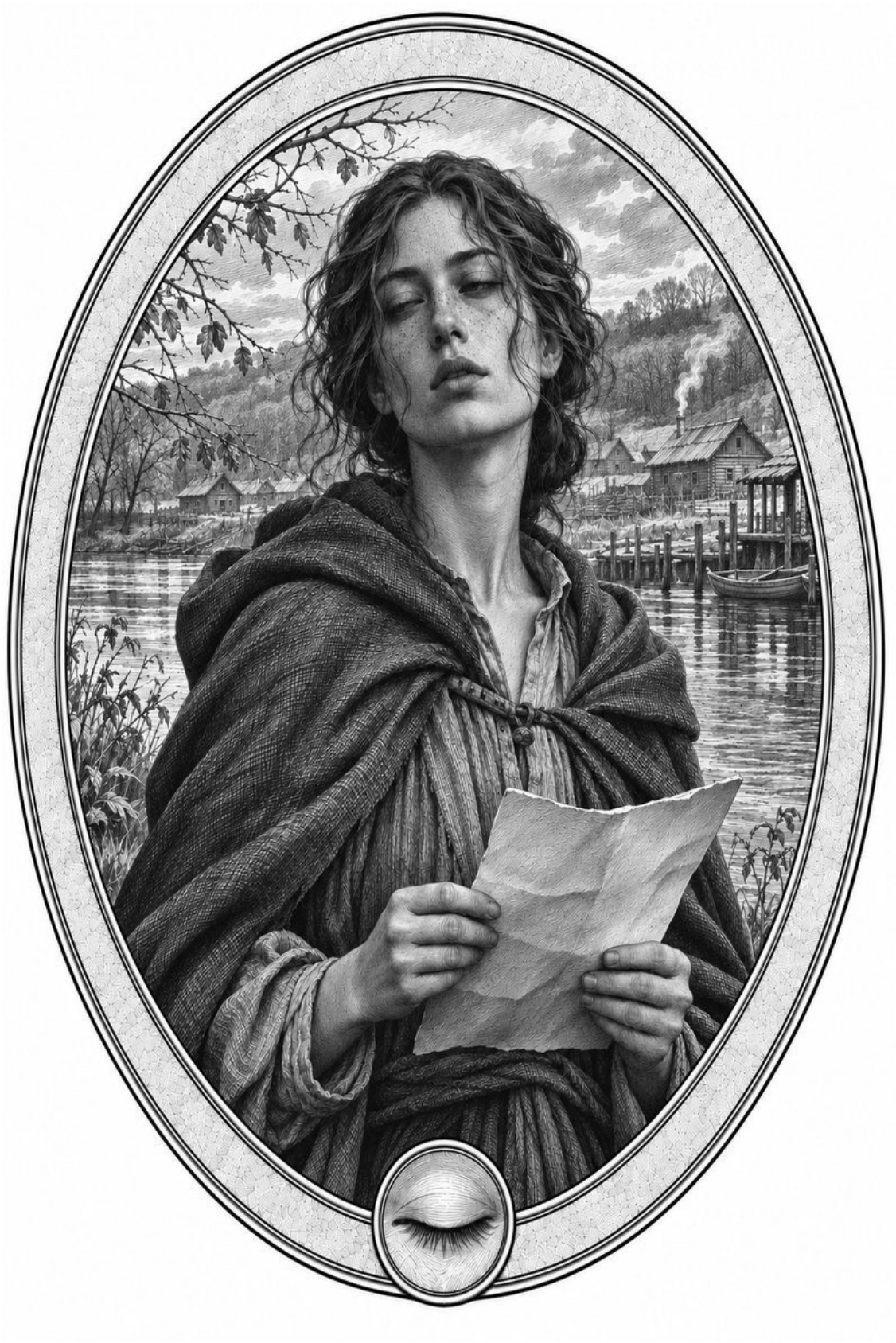
Содержание

Те, кого назовут Девятью 5
Двое у ворот Вааргута 13
Старые боги 16
Действующие лица 19
Часть первая 24
Глава первая 26
Глава вторая 34
Глава третья 41
Глава четвёртая 49
Глава пятая 58
Глава шестая 67
Глава седьмая 74
Конец ознакомительного фрагмента. 81

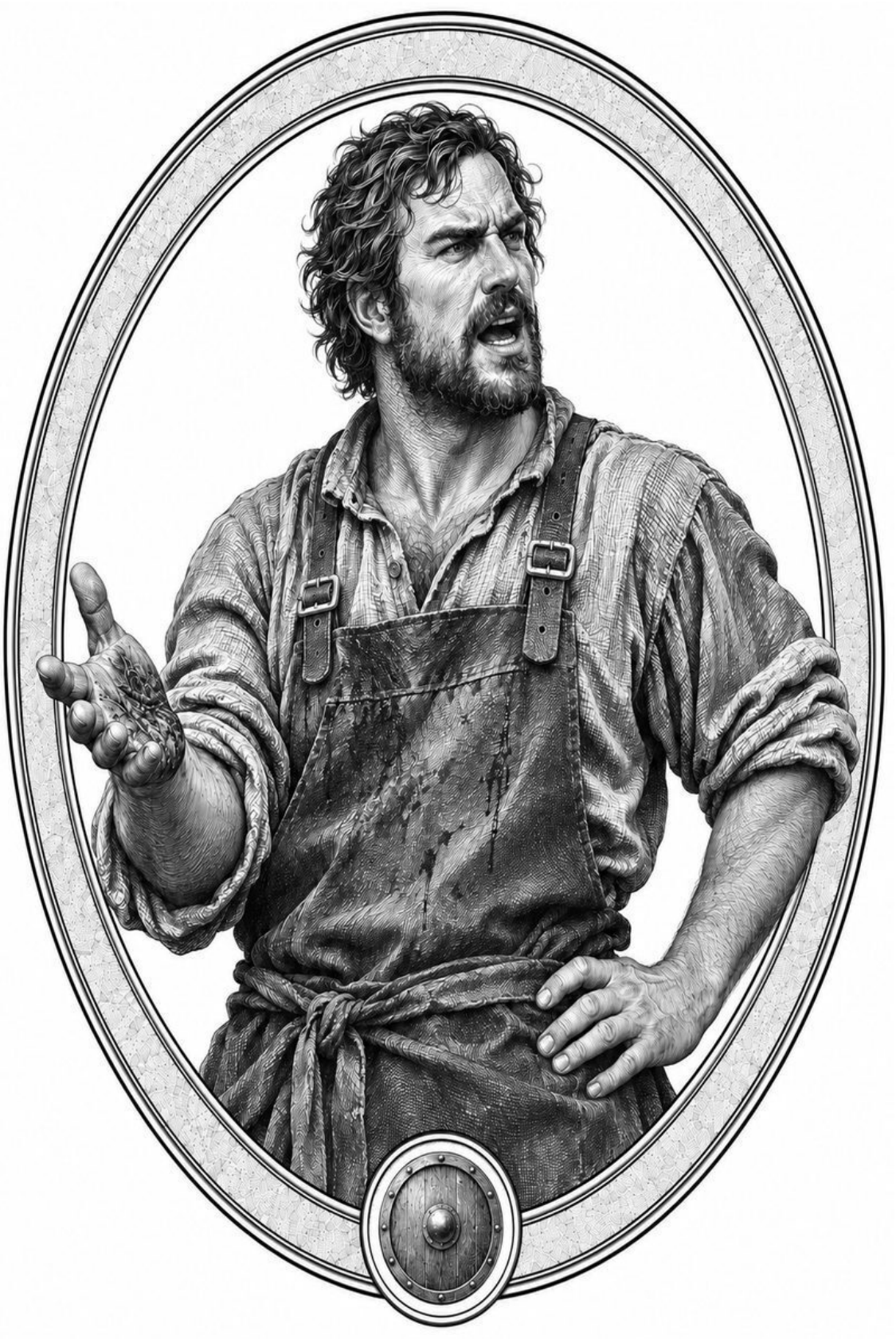
Война за реку

Те, кого назовут Девятью

пока ещё люди

Лиэна
свидетельница с ближнего берега
Просыпается раньше тревоги

Дейрон
смолокур с верфи
Спорит, пока не окажется прав

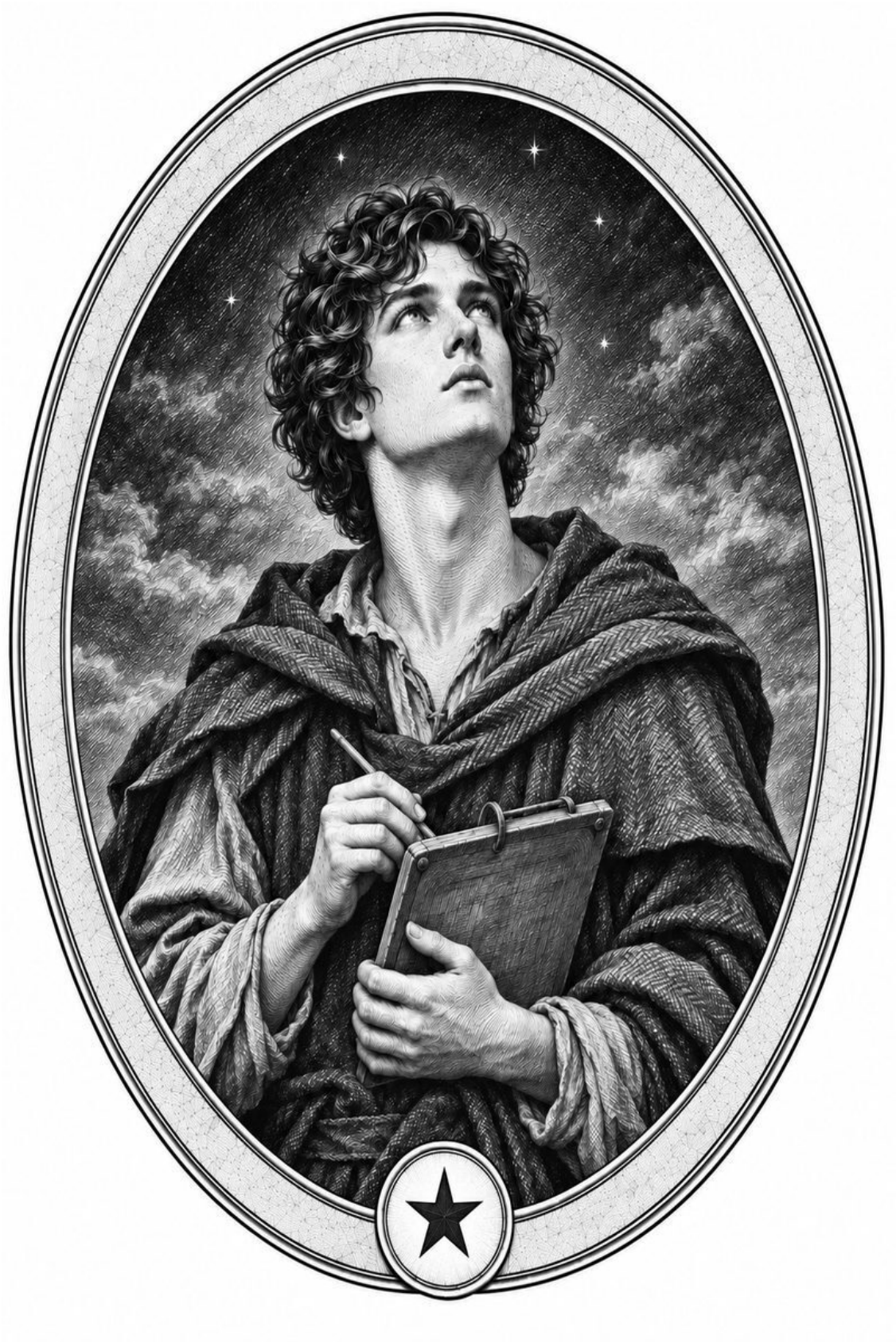
Сивель
принимает вывезенных
Сначала сухая рубаха, потом вопросы

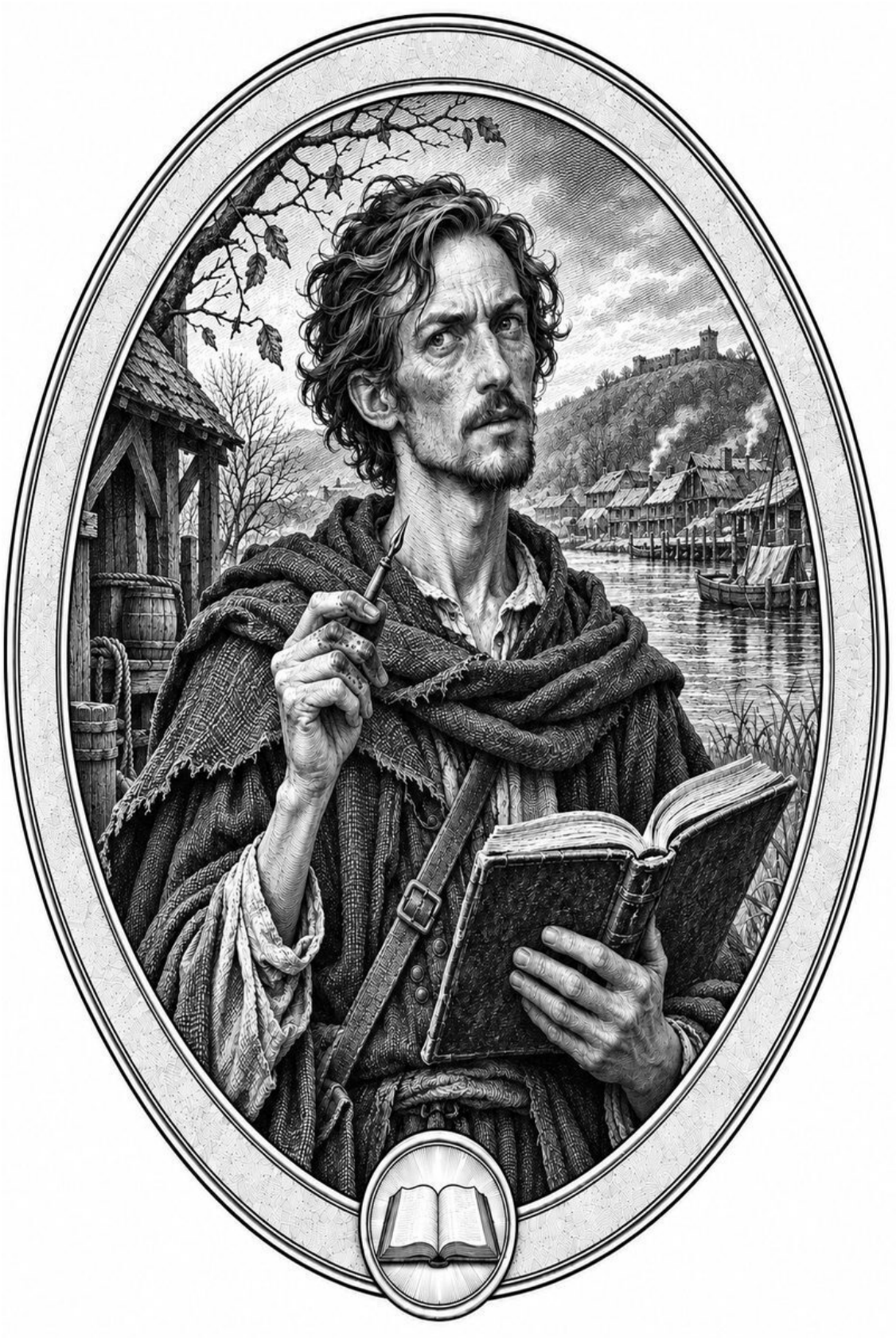
Грамнар
каменщик с каменоломни
Слушает землю ладонью

Ориан
знает течения реки
Слышит, куда идёт вода

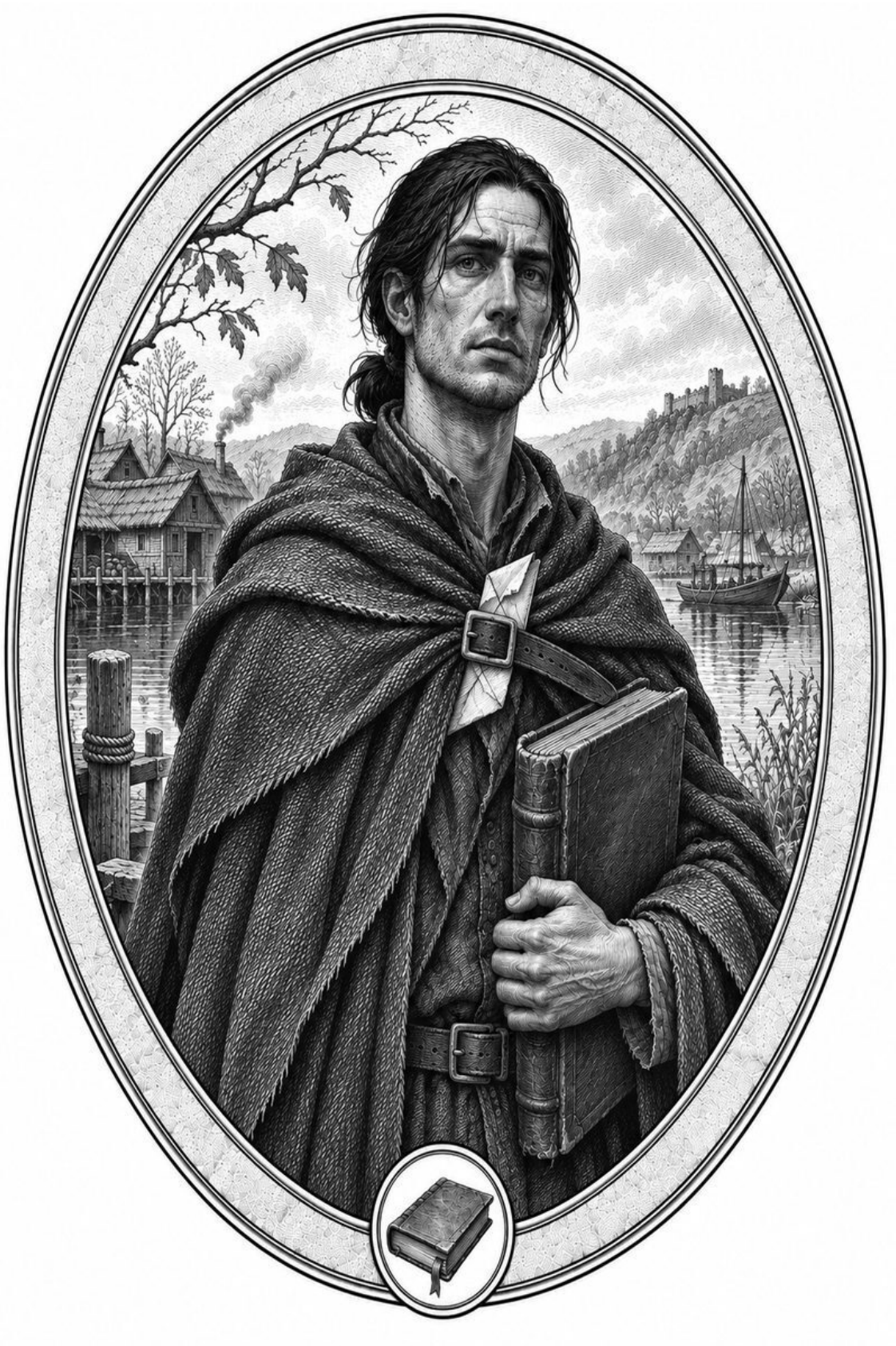

Астэр
сверяет старые отметки
Смотрит вверх чаще, чем под ноги

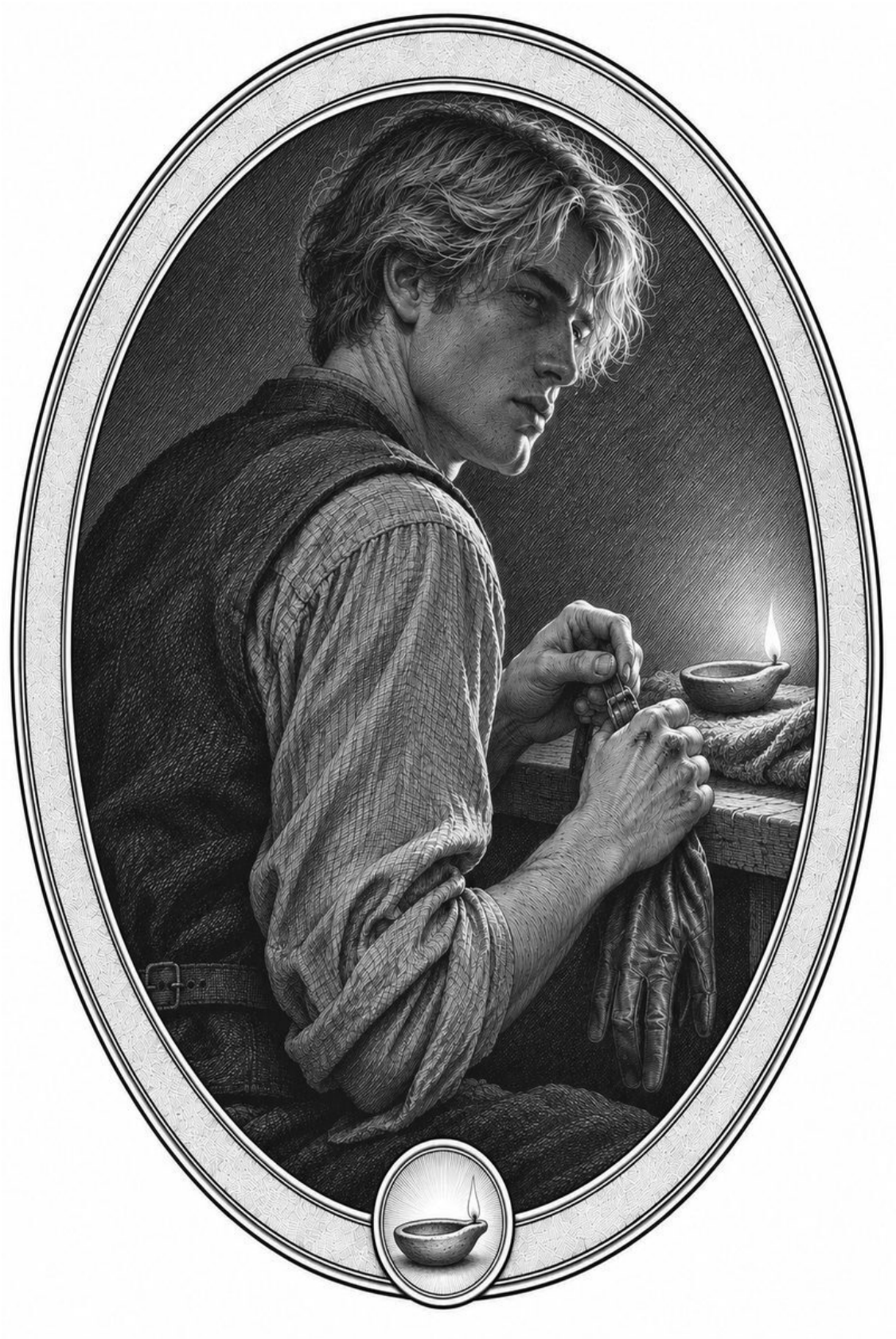

Иллен
записывает показания
Переспросит — и ты сам поправишь неправду

Двое у ворот Ваарґута

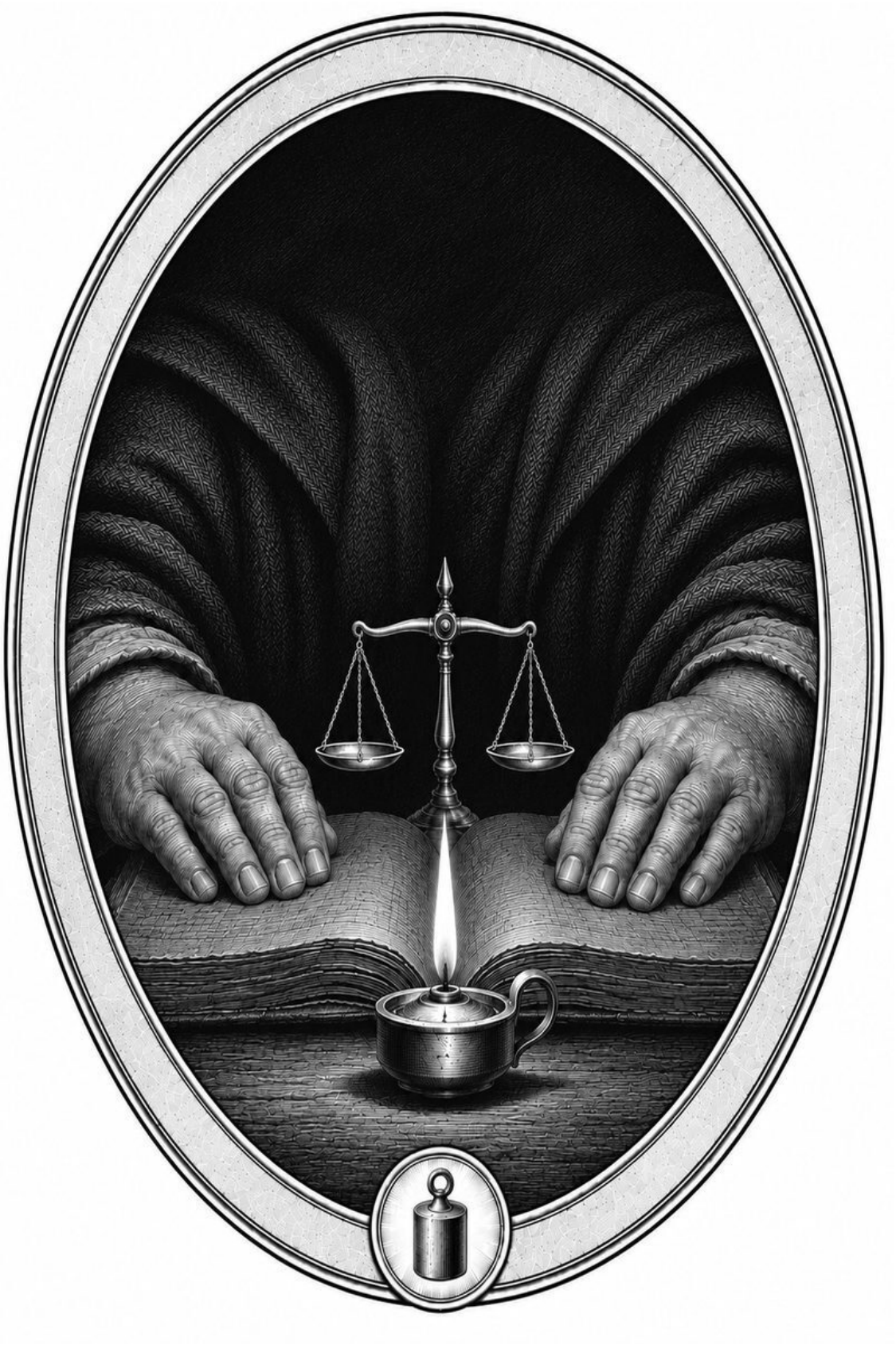
Морвен
ведёт книгу у ворот
Обещал вернуть Ремека домой

Элиар
служит вместе с Морвеном
Рядом с ним теплее

Старые боги

те, что были до них

Вааргут
бог Долга и Меры
Всему на свете есть мера

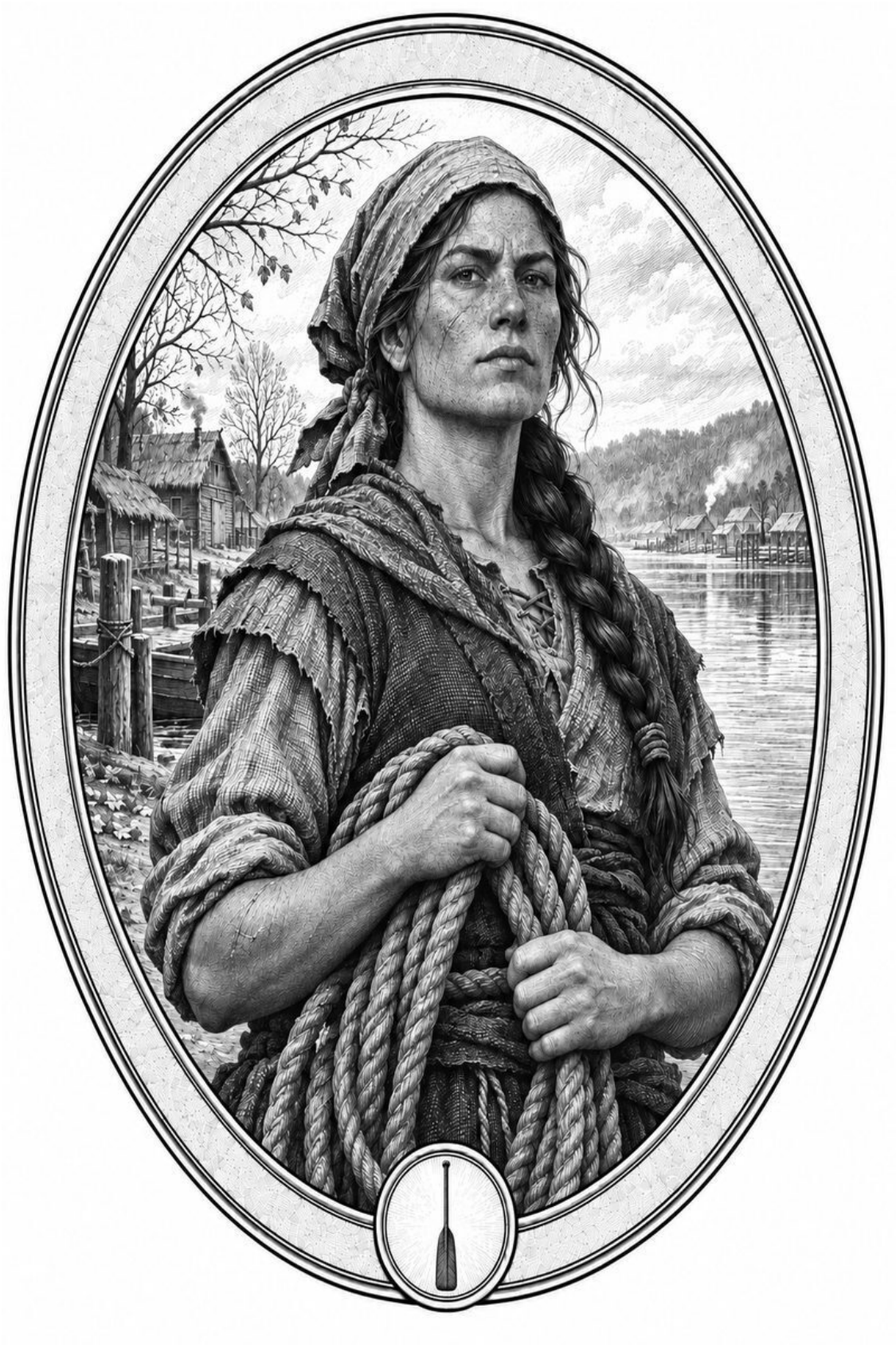

Кардун
бог дальнего берега
Под его знаком нечем дышать

Действующие лица

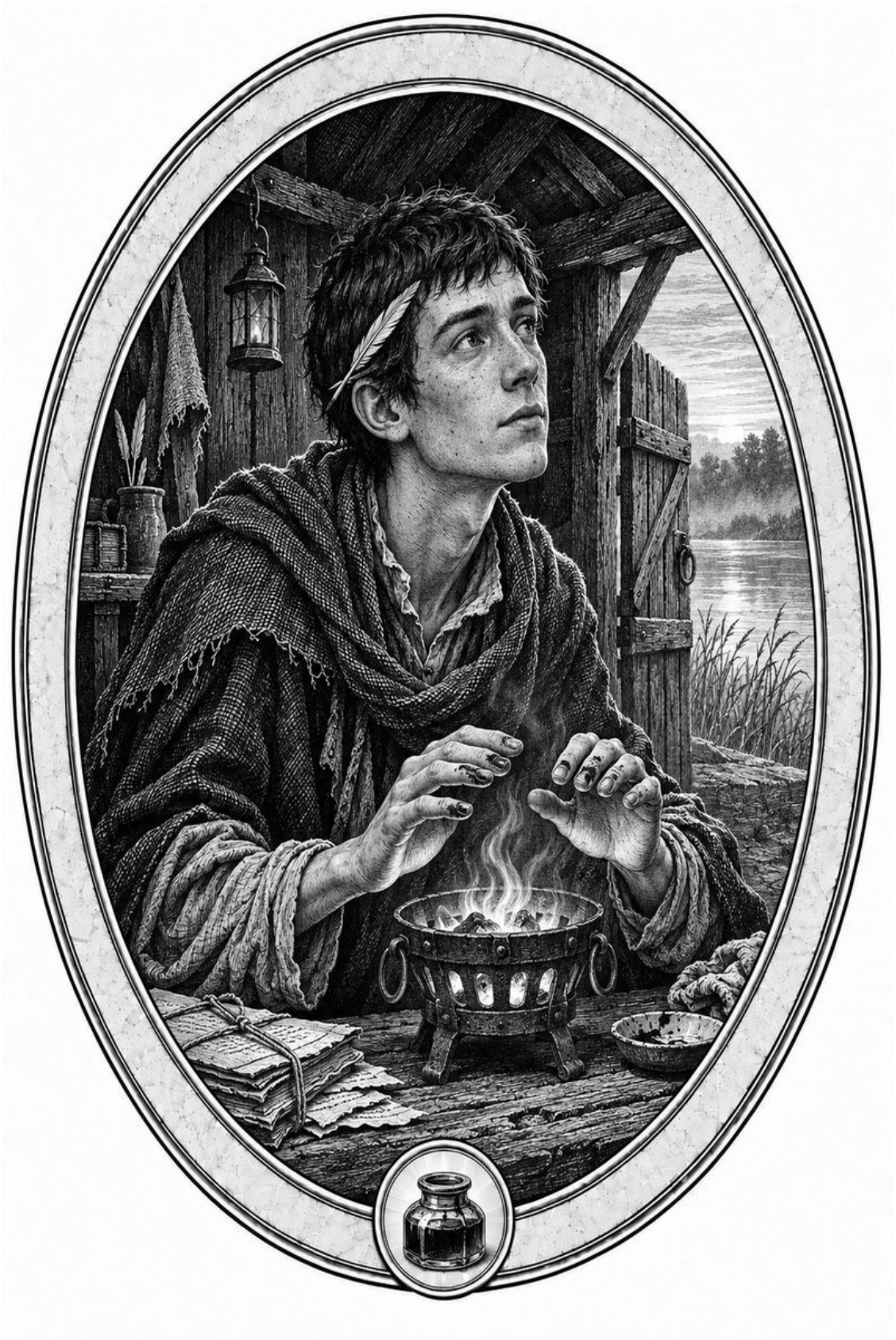
Ремек
перевозчик
Считает гребки до ста

Нерса
лодочница, сестра Ремека
Посчитает с воды

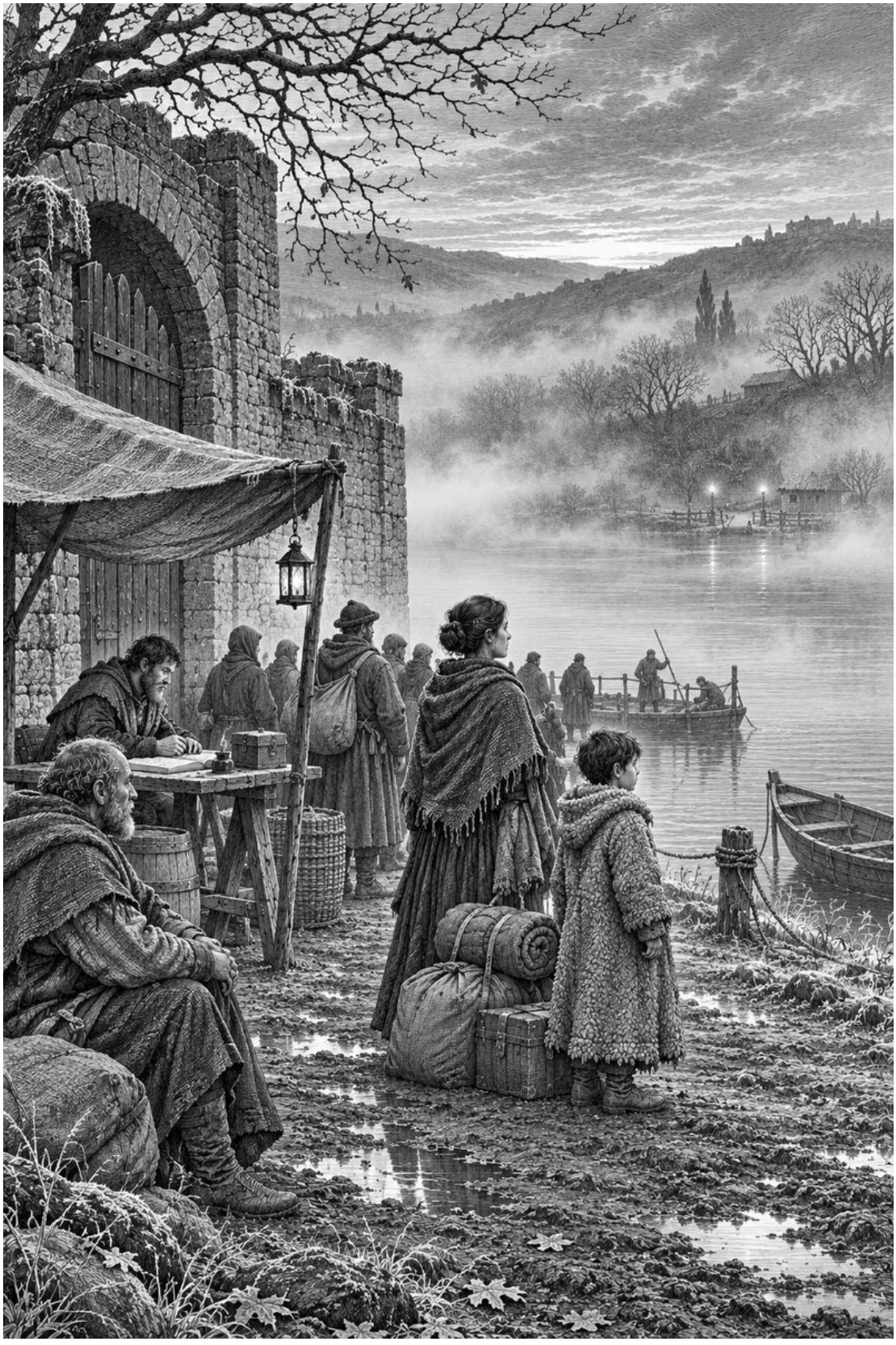

Хаден
мастер старых ходов
Начертит то, чего никто не видел

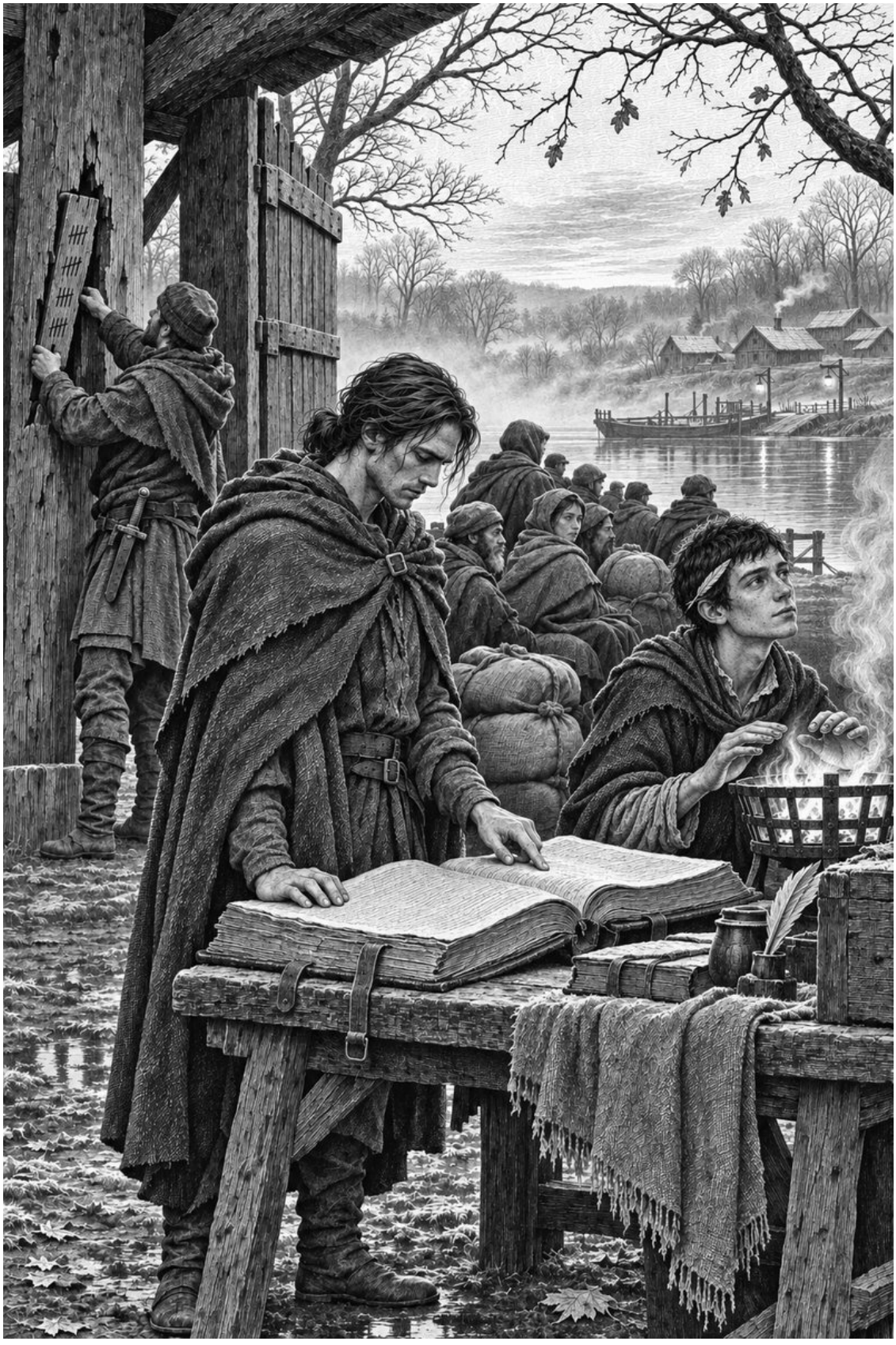

Вейн
писарь у ворот
Учился грамоте на мокрой доске

Часть первая
Переправа

Глава первая
Явился

Морвен. Переправа, перед рассветом.

Напротив имени Элиара в книге у ворот уже стояло «явился», хотя Морвен ещё не привёл его.

Он прочёл строку ещё раз. Чернила на последней букве не высохли. Вейн, писарь у ворот, стоял у жаровни и держал ладони над углями.

— Кто поставил?

— Я. Вааргут велел.

Имя хозяина Вейн сказал тише, чем остальное. У этих ворот все так говорили, и никто не помнил, кто начал первым.

— На тот берег передали? — спросил Морвен.

— Как велено. Им нужно было подтверждение до первого рейса. Теперь могут дать ход. — Вейн убрал руки от углей. — Ты приведёшь его к рассвету?

В прошлый раз Морвен водил к обряду Ремека. Там его имя тоже знали заранее. У двери с разбитой ступенью Ремек отдал Морвену свой багор и спросил, как ему вернуться домой. Морвен сказал, что отведёт его сам. Назад через реку Ремек не пришёл. Багор до сих пор стоял в караульной.

Морвен закрыл книгу, придержал ладонью тяжёлую крышку и вспомнил, что чернила ещё сырые. Открыл снова. На обороте предыдущего листа осталась тёмная точка.

— Где он?

— Был у служебного выхода.

У ворот с ночи ждали люди. Они сидели на мешках и вязанках: двух лавок на всех не хватило. Мальчик в длинном, до земли, тулупе ходил от одного взрослого к другому и спрашивал, с какой стороны реки светает раньше. Ему никто не отвечал. На дальнем берегу горел огонь над причалом, чуть ниже горел второй. Пока горели оба, лодке следовало ждать у сходней. Между огнями, над будкой, висел знак Кардуна, старого бога дальнего берега. Отсюда его было не разглядеть, но гребцы, когда шли под ним, переставали разговаривать.

У писарского стола стражник выковыривал ножом из щели старую дощечку с числом рейсов. На утро отвели две лодки, а на дощечке всё ещё стояло три, и люди у ворот держались за эту цифру. Один из ожидавших поймал деревяшку у стражника над плечом.

— Третью поставили под навес, — сказал стражник. — Киль чинят.

Человек в длинном кожаном переднике сказал, что пришёл с двумя дочерьми и что ему обещали места. Вейн назвал его имя, Тоб, и показал, где оно стоит. Дощечку Тоб вернул только после того, как писарь вынес к двери список и дочери сами нашли в нём отца.

Младшая держала обеими руками ленту. На одном конце остался след от мела. Тоб взял ленту и хотел повязать на мешок. Дочь забрала её обратно.

— Она знает эту, — сказала девочка. — Ты другую привёз.

Морвен посмотрел на Тоба. Тот объяснил, что на дальнем берегу их ждёт мать. Уехала ещё до разлива и оставила девочкам по ленте, чтобы повязали на мешок с одеждой. Мать увидит ленту с дороги, когда мешок понесут к дому. Человек, который должен был её предупредить, вчера вернулся от переправы ни с чем. Теперь отец скажет ей сам.

— Где будете сходить? — спросил Морвен.

— У большого причала. По-другому я с малой не пойду. У нижних ступеней она чуть в воду не упала, когда ещё ходили к мельнице.

Старшая взяла у сестры ленту и привязала к ручке мешка. Вторую Тоб обвил вокруг запястья. Вейн подвинул к нему дощечку и показал, где стоять до первого вызова.

— До дома от причала дойдёте? — спросил Морвен.

Старшая назвала каменный столб, колодец и глухой забор. У колодца запнулась. Тоб напомнил, что после разлива там не пройти, сворачивать надо раньше, у столба. Девочка повторила. Потом нашла на листе свою строку и сказала, что мать живёт у тётки. Если на том берегу позовут отцов двор, она не отзовётся.

— На сходнях назовёшь тётку, — сказал Морвен. — Гребец там бывал.

Вейн приписал на полях имя тётки. Девочка держала палец у строки, пока чернила не легли.

Морвен задержался у стола. Под книгой торчал угол листа с первым рейсом. В середине две строки оставили пустыми, хотя на лавках больше некуда было сесть.

— Кто туда?

— Ваарготовы. С верхней дороги ведут.

— Они успеют?

— Послали сказать, что уже прошли поворот.

Морвен вынул лист из-под книги. В первой группе были две женщины из сожжённого двора. Ночью он сам назвал им день, когда можно будет вернуться за скотом. Ниже, после пустых строк, писарь поставил черту.

— На втором кто сидит у борта? — спросил Морвен.

— Нерса говорила, помочь женщине с сумой. Геле, сапожнице. У неё правое плечо не поднимается.

Морвен знал эту суму. Гела таскала в ней деревянные колодки и инструменты, когда ходила по дворам чинить обувь. На дальнем берегу жила её сестра. Пока писарь выправлял список, Морвен нашёл женщину возле крайнего столба. Она заснула сидя, обхватив лямку. Он приподнял суму, сунул под неё свёрнутую мешковину и разжал женщине пальцы. Она открыла глаза.

— Собираемся?

— Когда позовут с вашей лодки.

— Я думала, если суму вынуть, меня на первую пустят.

Из сумы торчала колодка с вытертой ручкой. На соседнем мешке сидела девочка в одном большом сапоге и одном маленьком. Рядом сохла вторая пара, стянутая верёвкой за ушки.

— На первой всё занято, — сказал Морвен.

Гела протянула руку к лямке. Морвен поднял суму и поставил ей между ног. Она всё-таки обернула лямку вокруг кисти, теперь свободнее.

Мальчик в тулупе добрался и до неё.

— С какой стороны раньше светает?

— С той, — сказала Гела и мотнула головой на дальний берег. — Там выше.

— А почему там темно?

— Рано ещё. — Она поймала его за полу и ощупала подол. — Кто подшивал?

— Мамка.

— Скажи мамке, пусть на два пальца поднимет. Ты в нём на сходни не взойдёшь.

Мальчик посмотрел на свои ноги, будто увидел их впервые, и пошёл спрашивать дальше, держа подол в кулаке.

К воротам подвели двух людей с верхней дороги. Одному под мышки просунули перекладину, потому что на одной ноге он мог стоять, а шагнуть боялся. Второй всё время придерживал перекладину со своей стороны. Вейн кивнул, нашёл лист и вписал обоих на пустых строках. Тоб подвинул дочерей, чтобы освобождённое место на лавке пришлось тому, у кого болела нога.

Морвен спустился к сходням. Старший гребец поднял из лодки конец, мокрый до самой петли, и подал ему.

— Если первую оставят у них после сверки, на чём повезём тех, кто здесь останется?

Морвен показал на вторую лодку. Гребец напомнил, что и она полна. Остальным ждать, пока починят третью или пока с дальнего берега вернут порожнюю.

Он перекинул конец через столбик и затянул. Узел лёг с лишним витком снизу.

— Ремеков, — сказал гребец, не глядя на Морвена. — Я тридцать лет вязал по-своему, а он мне за одну зиму руки переучил. Говорил, мой в мороз не развяжешь, а его дёрнул и пошёл.

Он дёрнул. Узел развязался. Гребец завязал его снова, тем же витком. Ремек показывал этот узел и Морвену, на перилах у сходней, два раза. Во второй раз сказал, что третий показывать не станет. Морвен так и вязал по-старому.

С дальнего причала не менялся ни один огонь. Молодой гребец стоял у верёвки и спросил, когда её поднимать.

— Когда нижний погаснет, — ответил Морвен.

— А если спросят, видели его?

Морвен глянул вверх. Отсюда книгу закрывал край стола. Вейн мог показать запись любому, кто подойдёт от сходней.

— Пошлёшь за мной, — сказал Морвен. — Ты смотри за огнём.

На крайнем причальном столбе висела верёвка поперёк спуска. Чтобы не погнали людей на сходни до огня, её взяли потолще и обвели дважды. В прошлую оттепель один человек всё-таки её перешагнул. Гребцы догнали его у пристани, а его мать стояла по эту сторону и кричала им, что он боится темноты. Вааргут тогда велел оставить огонь на обоих берегах и дождался, пока мать сама сойдёт к сыну. Следующим утром за этим столбом поставили писарский стол. С тех пор Морвену случалось браниться с теми, кто пришёл поздно, но ни одного человека гребцы здесь уже не подбирали из воды.

Он поднялся и пошёл через караульную во двор.

Элиар сидел на ступени у бокового крыльца. Накануне они вдвоём обходили нижние причалы. На рукаве его плаща ещё держалась засохшая глина. Он соскоблил её ногтем и отряхнул край рукава, прежде чем поднять голову.

— Ты за мной.

— Вааргут ждёт до рассвета.

Элиар встал. Он всегда вставал, когда с ним говорили, даже если вставать приходилось в низкой лодке. Однажды Морвен держал его за пояс, пока он стоя благодарил старуху за перевязь.

— В прошлый раз ты водил Ремека, — сказал Элиар. — Он вернулся?

Морвен посмотрел на его руки. Элиар сжал ремешок перчатки и всё никак не продевал его в пряжку.

— Куда?

— Домой. К сестре. Ты его после обряда видел?

Они с Ремеком вышли в тот день ещё засветло. Перевозчик упрямился у сходней, потому что у его лодки стёрся нижний шов, а вечером за лодкой должна была прийти Нерса. Впервые Ремек попросил Морвена повременить с поручением. Всего четверть часа. Морвен остался держать лодку на боку. Ремек выскреб гнилую паклю, вогнал свежую большим пальцем и протянул Морвену железку, которой следовало подбить её до конца. Морвен нажал сильнее, чем надо. Ремек показал ему, с какой стороны держать железку.

— Отсюда лодку заберут, если я задержусь, — сказал Ремек. — Она знает.

Морвен подумал тогда, что речь о том, куда Нерса пойдёт за лодкой. Вода за день поднялась. Чтобы положить лодку так, как велел Ремек, пришлось отнести корму на две ступени выше. Под навесом как раз сушился короткий багор. Ремек взял его с собой, чтобы оттолкнуться от противоположной пристани на обратном пути. Других вещей у него почти не было. Хлеб, который он принёс из дома, они доели на воде.

— Мне велели тебя проводить, — сказал тогда Морвен. — Я подожду у двери.

— Ты там уже бывал?

— До первой комнаты.

Ремек достал из-под куртки листок с вызовом. С одной стороны остался след от жирного пальца. Он спросил Морвена, надо ли отдать листок на входе. Морвен сказал, что там уже знают его имя. Ремек положил бумагу за пазуху, а на середине реки достал снова. По ней его пустили бы хотя бы назад, если бы Морвену пришлось вернуться одному. Так сказал сам Ремек. Морвен взял у него листок и прочитал до конца. Внизу стояло, что перевозчик должен прибыть к обряду с сопровождающим. Морвен вернул бумагу. О возвращении там ничего не было. Он решил, что об этом ему скажут на месте.

Морвен видел Ремека в последний раз у двери с разбитой ступенью. Дом стоял над дальней пристанью, и по договору к обряду водили туда. Перед тем как войти, тот отдал ему короткий лодочный багор. В прихожей сказали оставить всё железо снаружи. Ремек предупредил, что древко у самого крюка треснуло и что за это место лучше не браться. Потом спросил, по каким воротам ему идти назад. Он возил людей по реке с двенадцати лет и знал, где на дальнем берегу можно сойти даже в разлив. В тот день ему понадобилось спросить у Морвена, как вернуться домой.

«Я тебя отведу», — сказал тогда Морвен.

— Мне сказали ждать у пристани, — сказал он Элиару. — Потом сказали, что Ремека уже увели.

— Куда?

Морвен покачал головой. За багром никто не пришёл. Морвен прислонил его в караульной, в углу за дверью, а вчера даже передвинул, чтобы дверь открывалась до конца.

— Я пойду с тобой, — сказал Элиар. — Только спроси сперва про Ремека. Ты его привёл. Тебе могут ответить.

Со двора был виден верхний огонь над водой. Второй, нижний, заслоняла кровля. Морвен мог отсюда дойти до Вааргута и обратно прежде, чем сменят караул, если бы ему сразу ответили. Он уже прикинул дорогу, когда в воротах назвали его имя.

У писарского стола стояла женщина в коротком просоленном плаще. Стражник пытался подвинуть её в сторону, чтобы выпустить людей с поклажей, а она убрала свой мешок под лавку и осталась у стола. Морвен узнал её по голосу. Нерса всегда сама называла число пассажиров перед отходом. С берега ей часто кричали другое число, и тогда она пересчитывала вслух, пока не соглашались все.

— Мне сказали, у тебя багор моего брата, — сказала она.

— В караульной. Я принесу.

Она посмотрела на него. Морвен понял, что ответил слишком быстро.

— Багор потом. Ты можешь прочесть?

Из рукава она вынула сложенный вчетверо листок и положила ему на ладонь. На сгибах бумага разлохматилась. Один угол потемнел от воды, но строчки в середине были целы.

Нерса. Я в караульном доме над дальним спуском. Меня держат здесь после обряда. Найди Морвена. Скажи ему, что я жив. Он обещал вернуть меня домой.

Морвен держал листок близко к лампе. В конце стояло имя. У Ремека дрожал почерк, когда он писал сидя. Расписываясь за плату, он всегда вставал и упирался запястьем в доску. Здесь буквы клонились не в ту сторону, что всегда, а последняя вышла длинной, с чертой поперёк сгиба.

— Когда принесли?

— Ночью. С тех пор я у ворот. Сказали, что тебя можно дождаться здесь.

— Его видели?

— Его видел человек, который принёс письмо. Имени я не скажу. Ему ещё ходить на дальний берег.

Морвен поднял глаза. Нерса смотрела на листок у него в руке. Он протянул его обратно, и она подставила ладонь, но пальцы не сомкнула.

— Ты с ним говорил? — спросила она. — После того как ты его привёл.

— Со мной говорили у пристани. Сказали ждать. С ним я не говорил.

Нерса кивнула. Из-за её плеча Морвену было видно, как Вейн возит пером по листу. Ремека он знал с детства, ещё мальчишкой бегал за ним к этим сходням, когда тот таскал вёсла, и сейчас ни разу не поднял головы. Ему мешала вмятина в доске, и он подложил под бумагу ту самую деревянную дощечку, которую стражник достал из щели. Двое гребцов подошли за списком. Писарь показал им пустой край листа и попросил подождать, пока запишет имя второго гребца.

— Он сколько там? — спросил Морвен.

Нерса прижала мокрый край письма пальцем, чтобы он не загибался.

— Когда у него просили лодку, он сказал, что вернётся к вечеру. До утра я держала свет у нашего спуска. На другой день пошла туда сама. На доски пустили, до дороги нет. Сказали, уже ушёл, а я с лодки всё утро видела, кто выходит из дома. Под вечер меня попросили освободить место у причала. С того дня я ставлю лодку под этим навесом.

— Почему ко мне не пришла?

— Приходила. Ты был на верхней дороге. Мне сказали, Ремека отвели по распоряжению Вааргута и он волен вернуться, когда хозяин отпустит. Я думала, ты вернулся без него и тебе сказали, когда ждать.

Морвен хотел объяснить ей, что на верхнюю дорогу их послали в тот же вечер. Письмо в руке наклонилось. Он приподнял его, чтобы прочитать имя ещё раз. Черта у последней буквы шла вниз так глубоко, что бумага на конце разошлась.

— За письмо заплатила?

— За дорогу. У того, кто принёс письмо, есть жена. Если спросят, ей надо суметь сказать, где он был.

Морвен не стал спрашивать, что именно она сказала жене. Она стояла вплотную к столу, однако когда писарь попросил его сдвинуть, помогла взяться за край. На освободившемся месте гребцы разложили два толстых каната, которые следовало спустить к воде.

К столу подошёл стражник с мокрой дощечкой. Писарь сказал, что это с дальнего спуска. Морвен шагнул ближе, но увидел на дереве только числа. За первым рейсом ждали столько людей, сколько назвали ночью. Об обратном рейсе не было ни слова. Нерса взглянула на неё и спросила, пойдёт ли от дальних сходней лодка обратно. Стражник сказал, что время назовут при сверке.

Морвен мог дождаться посланника у стола. Тот должен был прийти на ближний берег и спросить об Элиаре.

— А если я спрошу его про Ремека? — сказал Морвен. — При всех.

Нерса посмотрела туда, где писарь положил дощечку.

— Спроси, если хочешь, — сказала она. — Только тогда у дома уже будут знать, что мы получили письмо. До Вааргута ты успеешь дойти раньше, чем их человек к нам приплывёт.

Морвен отступил, чтобы стражник прошёл к воде. Вейн уже макал перо, чтобы перенести числа с дощечки на чистый лист у лампы. Морвен не стал класть письмо рядом с этим листом.

— Он сам велел отнести письмо тебе? — спросил Морвен.

— Тут так написано?

— Так.

— Значит, сам.

Нерса подняла мешок с пола. Из него выкатился маленький деревянный челнок для сети. Она подняла его, вернула внутрь и затянула горловину. Морвену вдруг пришло в голову, что она могла не разобрать всех строк на мокром листке. Он хотел спросить, что она успела про-

честь, и удержался. Если бы она хотела, чтобы он прочёл вслух, она бы попросила. По его вопросам она уже поняла, чего хотел Ремек.

Стражник за её плечом стал развязывать верёвку поперёк прохода. На сходнях позвали гребцов. Мальчик в тулупе стоял теперь у самой двери и держал обеими руками котелок. Когда взрослые двинулись к выходу, ему пришлось поднять его над головой, чтобы не ударить кого-нибудь по коленям.

Девочка в разных сапогах протиснулась от мешков к Нерсе. Подала ей что-то маленькое в ладони. Нерса разжала пальцы. Там была медная пуговица. Девочка сказала, что нашла её у спуска, где Нерса утром вынимала из лодки мокрый плащ. Нерса посмотрела на ворот. Пуговица у неё держалась на белой нитке. Девочка уже повернулась обратно, но Нерса позвала её и попросила отнести находку Геле. Вон из её рукава вылезает шнур, вместо пуговицы продели ветку.

Девочка пошла к мешкам. Нерса дождалась, пока Гела увидит её у своего колена.

— Я могла уехать ночью, — сказала она Морвену. — У одного нашего гребца на том берегу тётка. Его бы пропустили до двора, а от двора к дому идёт дорога, по которой возят дрова. Он уже пошёл искать сухие сапоги. Я велела ему остаться у лодок.

— Почему? — спросил Морвен.

— Он повёз бы меня к тётке. Дальше я сама. У дома спросят, откуда я знаю, что брат там. Если начнут выяснять, кто в эту ночь был у двери, к человеку с письмом придут раньше, чем я вернусь.

Морвен подержал письмо за сухой край. Возьми её стража у дома, первым спросят гребца. За ним придут к тётке, а от тётки до человека с письмом недалеко.

— Я могу пойти один, — сказал он.

Нерса повернула голову. У ближнего спуска стражник теперь держал верёвку через локоть, чтобы не волочилась по доскам.

— В тот раз ты тоже ушёл от двери один. Теперь я прошу другое: дойди до того, кто велел его там оставить.

Морвен хотел назвать Вааргута. Нерса смотрела на лист, пока он держал его между ними. Морвен опустил письмо. Мокрый сгиб начал подсыхать.

— У меня лодка там, под навесом, — сказала Нерса. — Если я попрошу своего человека сходить на тот берег, он сходит. Ремек об этом знает. Он просит найти тебя.

Морвен сложил письмо по старым сгибам.

— Можно я возьму его?

— Если отдашь тому, кто может его выпустить.

Она убрала ладонь. Морвен сунул письмо за борт куртки и пошёл во двор.

Элиар стоял там же, у служебного выхода. Перчатку он так и не надел. За его спиной уже светлел край крыши. Морвен подошёл к нему и сказал, где держат Ремека. Элиар выслушал и посмотрел в сторону ворот, откуда доносились голоса.

— Ты знаешь это от него самого?

— Он написал сестре.

Элиар потянул створку на себя. Они ходили этой дорогой столько лет, что у крыльца каждый привычно уступал другому место с одной и той же стороны. Морвен и сейчас отступил, давая ему пройти. Элиар придержал дверь и подождал.

— Побудь здесь, — сказал Морвен. — Я возьму письмо к Вааргуту.

— Он велел привести меня.

— Велел.

Морвен уже поднял ногу на порог и тут вспомнил, что назвал Вааргуту срок только один раз, когда брал поручение. Он сказал «до рассвета», потому что думал застать Элиара у обыч-

ной двери и провести его за собой. Вааргут тогда переспросил, придётся ли посылать кого-нибудь ещё. Морвен ответил, что управится сам.

— У внутренней двери могут спросить, почему ты один, — сказал Элиар.

— Спросят.

— Если меня позовут, мне идти?

Со стороны ворот потянуло сквозняком. Изнутри створка была обита жестью, и по ней скользнул свет ещё не снятой лампы. Морвен стоял по эту сторону, Элиар держал створку с той. До сих пор Морвен просил его ждать так же, как просил подержать дверь, пока внесут мешок.

— Пусть сперва пришлют за мной, — сказал Морвен. — Если из комнаты выйдут за тобой, спроси, где я.

Дверь была тяжёлая. Элиар чуть переставил ногу, чтобы держать её удобнее.

— Я подожду, — сказал он.

Морвен прошёл внутрь. В коридоре уже снимали ночные лампы. Стражник у лестницы, увидев его, заговорил шёпотом, хотя до последней двери оставалось шагов десять. Здесь так говорили все, и Морвен давно не замечал, что сам делает так же. Сейчас заметил. За последней дверью скрипнул стул. Морвен постучал, дождался ответа и вошёл.

Вааргут сидел у окна. На столе ещё горела лампа. Из коридора за Морвеном тянуло сквозняком, а пламя стояло ровно, как нарисованное. Вааргут дописал строку и не поднял головы.

— Один, — сказал он. Не спросил.

Потом отложил перо и посмотрел за плечо Морвена, на открытую дверь.

Морвен положил письмо на стол.

— Отпусти Ремека, — сказал он. — До того, как я приведу Элиара.

Глава вторая
Смена

Морвен. Переправа, рассвет.

Вааргут дочитал письмо и разгладил мокрый угол большим пальцем.

— Когда его вынесли?

— Ночью.

— Значит, у него было чем писать. — Вааргут подвинул листок к лампе. — Мне сказали, что он поранил руку, когда чинил скамью в караульной. Я просил дать ему чистую тряпку.

Морвен посмотрел на строки. Последняя буква имени лежала поперёк сгиба. Он решил у ворот, что Ремек писал без стола.

— Ты знал, где он.

— Конечно. Обряд был по договору. После него Ремек остался у них, заложником за наш берег. Я сам на это согласился.

За окном внизу гребцы позвали друг друга. Один голос Морвен узнал. Этот человек каждое утро пробовал новое весло о каменную стенку и каждый раз получал выговор от писаря.

— Я обещал ему, что отведу домой, — сказал Морвен.

Вааргут сложил письмо по сгибам. Морвену показалось, что он уберёт его к своим бумагам, но Вааргут подвинул листок обратно через стол.

— На том берегу держат наших. Мы держим их людей. Как только кто-нибудь перестаёт давать смену, другой запирает пристань. Я добился, чтобы до этого через реку пропускали семьи. Дальше от воды им есть куда идти.

— Почему ты мне не сказал?

— Когда ты водил Ремека, я ещё думал, что Кардун согласится взять кого-нибудь из моих людей. Он согласился только на Ремека. Его знают на обоих берегах.

Вааргут поднялся к окну. На подоконнике лежала широкая дощечка с названиями пристаней. Морвен сам передал её сюда после последнего объезда. Рядом с каждой пристанью он тогда поставил число годных лодок. На двух концах дощечки остались отметины от пальцев Грамнара, каменщика с верхних дорог, который держал её, пока Морвен писал.

Вааргут повернул дощечку поперёк окна. С одной стороны от реки шли три дороги, с другой всего одна. Доску сделали такой широкой ради северного поворота, где дорога уходила в камень. Сейчас за этим поворотом стояли обозы. Морвен видел их вчера: семь возов, а к вечеру прибыл восьмой. На шестом везли людей, которым уже пришлось бросить свой воз у спуска.

— Ты был на верхней дороге, — сказал Вааргут. — Куда оттуда уйдут семьи с этих возов, если переправа встанет?

— Часть пройдёт к мельнице. Дальше по суше.

— Те, кто могут пройти. А остальные?

Вааргут спросил его так, как спрашивал гребца перед рейсом, хватит ли места на корме. Морвен опёрся рукой о подоконник. За двумя крышами у сходней уже собралось больше людей, чем он видел, когда поднимался от воды. Ему было видно, как принесли ещё одну лавку и поставили ножкой прямо на ослабленный край настила. Он хотел спуститься и переставить её, хотя мог позвать стражника из коридора.

— Дальний берег брал людей из обозов и до договора, — продолжил Вааргут. — Иногда за возом приходил хозяин, а стража требовала с него второго человека за первого. Кто

привёл второго, выкупал воз. Остальные оставались у дороги. Теперь их пропускают списком. Посланник видит, сколько человек мы заявили. Я отвечаю за наш список.

Морвен помнил обоз, с которым они тогда возились до полуночи. Семьи пришли с двух сторон и не знали, кто первым вошёл в воду. На этом берегу одного человека сочли пропавшим. Вааргут велел ещё раз перебрать имена и нашёл его в списке с дальнего берега, под именем отца. Когда Морвен утром привёл его к жене, тот первым делом спросил, цела ли лошадь. Потом отдал ей узду, которую до того держал под курткой.

К столу подошёл человек от верхних дворов. Морвен знал его по тёмному полотну на шапке. Тот принёс лист, на котором два имени пришлось вписать у самого края. Две женщины пришли с возом, который бросили у насыпи. Одной нужно к детям на тот берег, другая с больной ногой остаётся здесь. В списке их назвали вместе, и гребец велел ждать обеим.

Вааргут ткнул пальцем в место, где два имени уходили за край.

— Пусть писарь разнесёт их на две строки. За одной отвечают там, за второй здесь. Если у воды спросят, от кого слово, скажи моё.

Человек ушёл. Морвен слушал его шаги, пока они не стихли на лестнице к писарскому столу. Вейн успеет переписать оба имени, прежде чем откроют проход к воде. Ремек в своей комнате на том берегу мог даже не услышать лодки, которая к ним пойдёт.

Дома Ремек слышал лодки сквозь сон. Морвен ночевал у них дважды, когда разлив отрезал верхнюю дорогу, и оба раза тот поднимал голову от лавки раньше, чем со спуска кричали. Кто гребёт, он узнавал по тому, как весло входит в воду. «Это мельников, он левым загребает». Нерса бросала в него рукавицей и велела спать. Он называл ещё одно имя и засыпал. Утром выходило, что угадал оба.

— Чьё слово было у Ремека? — спросил Морвен.

— Моё и твоё. И пока я могу говорить с Кардуном, у него есть путь назад.

— У него был путь назад и тогда, когда я стоял у двери.

Вааргут убрал руку с дощечки.

— Ты мог спросить меня на следующий день.

Морвен вспомнил, что действительно мог. В тот день он вернулся с дороги до захода, нашёл лампу в комнате Вааргута и по звуку пера понял, что хозяин один. Он тогда пошёл к себе. Ему казалось, ещё рано мешать с вопросом, на который уже обещали ответить. Ремек ведь и багор отдал ему у двери только потому, что собирался взять его на обратном пути.

— Спрашиваю сейчас, — сказал он. — Отпусти его теперь. Дальнему берегу уже передали, что Элиар явился.

— Поэтому откроют переправу до сверки. — Вааргут показал рукой на окно. — Как погаснет нижний огонь, гребцы поведут лодки одну за другой. В час смены придёт посланник. Увидит Элиара и передаст своим, что Ремека можно отпустить.

— А если оставить первую лодку и вернуть Ремека раньше второй? — спросил Морвен.

Вааргут поднял дощечку с окна и поставил ребром. Под ней остался круг от вчерашней лампы. Когда нижний огонь погаснет, дальний берег пустит лодку, за которую уже ответили. У дальнего спуска могут посадить и обратных. Но чтобы Ремек оказался среди них, старший должен получить слово от посланника после сверки. Тот за именем Элиара придёт сам.

— А если люди с первого уже будут у своих?

— Они и будут. Для них открываем. Те, кто хочет назад, сядут, когда скажут время.

— А Ремека так же можно дописать? — спросил Морвен. — Что здесь его ждёт Нерса. И у кого там просить его к лодке.

— Нерсу здесь знают. Кто выведет его к сходням, назовут, когда посланник передаст слово старшему.

Морвен посмотрел на окно. Отсюда не было видно даже нижней ступени, с которой ему тогда велели уйти.

Морвен подумал о Тобе и двух девочках. Отец считал, что к матери они пойдут втроём. Если на том берегу оставят первую лодку, он по меньшей мере сможет привести дочерей к дому. Второй рейс ещё у них. Когда посланник придёт, можно сказать ему, что Морвен готов ждать у воды. Куда поведут Элиара после сверки, он всё ещё не знал.

— Элиар останется у них вместо него?

Вааргут посмотрел на дверь. Морвен понял, что тот ждёт шагов Элиара. Отсюда слышали даже остановку у первой ступени, если человек заходил со двора. Дверь в комнату была закрыта. Ни за ней, ни под окном никто не шёл.

— Покажи меня, — сказал Морвен. — Он согласился взять Ремека. Спроси, согласится ли поменять его на того, кто его привёл.

— На берегу ждут человека, которого уже назвали. Если я попрошу поменять имя сейчас, они успеют спросить, отчего.

— Пусть спрашивают.

— У тебя есть что им ответить?

Морвен подвинул письмо ближе к себе. Дать его в руки посланнику означало дать ему и почерк, и слова, по которым можно было спросить у Ремека, как вынесли бумагу. Он вспомнил, как Нерса держала ладонь под письмом, пока он решал, вернёт ли его.

— У меня есть имя человека, которого вы обещали отпустить.

— У них оно записано, — сказал Вааргут. — Я добился, чтобы его имя осталось в списке на возвращение. Добьёшься большего, когда займёшь моё место за этим столом. Сегодня у меня уже есть договор и время сверки.

Он обошёл стол и поднял с пола тонкую тетрадь, которую задел ногой. Морвен разглядел пометку «обратные» и протянул руку. Вааргут передал ему тетрадь открытой. За последнюю неделю троих вернули через дальние сходни. Среди них была старуха, которую сперва повели к их будке за спор с начальником караула. Морвен сам помог ей вынести сундук на ближний берег. Она так громко ругалась на гребцов за то, что те поставили сундук в лужу, что пришлось остановить лодку и переложить его при ней. Тогда он не спросил, что хозяину пришлось пообещать за её возвращение.

В новой строке значился Ремек. Графу для времени оставили пустой. Морвен прижал страницу пальцем, пока Вааргут не перестал тянуть тетрадь к себе.

— Сюда ты когда велел вписать?

— Ночью.

Значит, Вааргут велел вписать Ремека, ещё не видев письма. Морвен вернул тетрадь. Теперь у Ремека действительно была лодка, которой его могли перевезти домой. Нерсе осталось бы встретить его у сходней и отдать багор. Для этого Морвену надо было спуститься во двор, взять Элиара за собой и открыть дверь перед ним. Привратники знали обоих. Они бы поднялись, когда вошёл Элиар, и сели обратно, когда Морвен вышел.

Вааргут подождал, пока в коридоре пройдут люди.

— Четверо, — сказал он, не глядя на дверь.

Морвен слышал только шаги. Потом древки задели за стену, раз, другой, третий, четвёртый. У последней двери один из стражников остановился, поправил сапог и пошёл дальше.

— Приведи его сперва ко мне, — сказал Вааргут. — Остальное я устрою.

Он взял со стола полоску бумаги, сложенную вдоль. Передал Морвену так, как передавал распоряжения для привратников, сгибом наружу.

— У внутренней двери покажешь это. Если увидишь Нерсу, скажи ей, чтобы ждала на ближнем причале. Когда его отпустят, ему подадут лодку до ближних сходней.

Морвен убрал письмо за пазуху. Распоряжение осталось у него в руке. Свет лампы высветил чернила на пальцах Вааргута. Пламя за всё время ни разу не дрогнуло, и Морвен поймал себя на том, что дышит у стола осторожно, будто может его сдвинуть.

— Ты уже сказал дальнему берегу, что он здесь.

— Я думал, ты приведёшь его прежде, чем они спросят.

В коридоре Морвен встретил стражника с лестницы. Тот спросил, надо ли освободить проход к внутренней двери. Морвен сказал, что ещё не знает. Стражник всё равно отнёс лавку к стене. На стене за ней обнаружилась детская рука, нарисованная углём. Рядом такую же ладонь оставил кто-то повыше. Морвен помнил, что днём здесь ждали матери с детьми, когда у ворот не хватило крыши. Он переступил пустое место на полу. Раньше им было велено пускать сюда только тех, чьи имена уже стояли в книге.

Во дворе один из недавно приведённых с верхней дороги пытался пройти к сходням сам. Человек, поддерживавший его у ворот, отлучился за водой, а перекладина осталась у стены. Морвен перехватил раненого у третьей ступени. Тот сказал, что нога выдержит, но сжал рукав Морвена так, что ткань собралась в кулак.

— За кем ты пошёл?

— За кружкой. Тут дали, а я у лавки поставил. Теперь вдруг сядем в лодку.

Морвен отвёл его обратно под стену. У стены его спутник уже держал кружку с водой. Он подал её раненому. Пока тот пил, Морвен стоял рядом, придерживая его под руку. Раненый спросил, пустят ли вторую лодку, если на первую опоздать. Морвен ответил, что на первую его уже записали. Человек перестал торопиться и поставил кружку между ног.

Путь к Элиару лежал через весь двор. Морвен пошёл мимо колодца. Изнутри куртки царапал край сложенного письма. Когда он вытащил его поправить, распоряжение едва не выскользнуло из другой руки. Обе бумаги можно было сложить вместе. Морвен держал их порознь, пока не дошёл до крыльца.

У крыльца Элиар держал за узду чью-то лошадь. Конюх вытаскивал из-под её копыта сломанную щепку, а Элиар приговаривал что-то тихо и мерно, пока лошадь не перестала дёргать головой. Когда конюх выпрямился, Элиар передал ему повод и подошёл к Морвену.

— Что про Ремека?

— Отпустят, если в час смены их человек увидит тебя.

— И что потом?

Морвен протянул ему бумагу. Элиар разогнул её и прочёл. Перевернул, провёл пальцем по обороту, потом снова посмотрел на лицевую сторону. Морвену было видно имя, выведенное у самого сгиба.

— Здесь написано «приготовить к принятию меры», — сказал Элиар.

— Я видел.

— Этими словами он давал мне распоряжения, когда надо было приготовить сосуд. Внизу обычно писали, какой. Кувшин, чашу. — Элиар коснулся ногтем строки под распоряжением. — Здесь моё имя.

Морвен взял бумагу обратно. Она распрямилась в его пальцах. Под именем осталось достаточно места ещё для одной строки.

— Ты видел, что он делал с Ремеком?

— Нет. Видел, как готовили комнату. С тех пор и спрашиваю про него.

— Ты сам её готовил?

— Туда ушёл другой. Я работал внизу.

Элиар вытащил из кармана перчатку. На одном пальце шов разошёлся, и он взял её так, чтобы придержать шов. Морвен видел похожую перчатку у него за день до того, как повели Ремека. Она лежала на краю стола вместе с белой тряпкой. Тряпку Элиар потом забрал, а перчатку искал до вечера.

— Что ты делал с сосудами? — спросил Морвен.

— Приносил, что велели. Проверял, целы ли. Если на краю была трещина, показывал Ваарguту. Однажды он велел снять с полки три чаши и оставить только одну. Я подержал её

над лампой. На боку у неё шла белая черта, так что я взял соседнюю. Он спросил, кто мне позволил. Пришлось вернуть. — Элиар помолчал. — Он показал мне потом, что белое было старым налётом. Чаша выдержала. В другой раз он спрашивал, чем я думал, когда оставил на столе глину с трещиной. С тех пор перед его работой я спрашивал, что именно он хочет принять и во что. Иногда отвечал.

Из служебной двери вышел стражник и спросил, не помочь ли с чем-нибудь. Морвен сказал, что нет. Элиар дождался, пока тот уйдёт.

— Если меня хотят показать у сходней, зачем распоряжение к внутренней двери? — спросил он.

Морвен знал, что ответить. Хозяин мог сначала поговорить с Элиаром, а потом вывести его к посланнику. Так они делали и раньше, когда надо было отправить кого-нибудь на дальний берег с поручением. Морвен уже открыл рот и вдруг понял, что собирается ещё раз повторить слова Вааргута. Из комнаты вышел бы он сам. Элиар остался бы внутри.

— Я спросил, останешься ли ты у них вместо Ремека, — сказал Морвен. — Он не ответил.

Элиар кивнул и стал складывать перчатку пальцами внутрь. Когда она не поместилась в карман, он оставил её в руке.

— В прошлый раз, когда мы с тобой пришли к этой двери, там держали человека с верхних дворов, — сказал он. — Он всё спрашивал, кто из нас с ним пойдёт дальше. Ты тогда остался, пока за ним не пришёл брат. Почему?

— Он хромал. Ему надо было спуститься.

— Ты мог велеть любому из караула.

Морвен помнил, как хромой объяснял дорогу к своему двору на случай, если брат за ним не придёт. Брат явился с такой же прихрамывающей походкой, и до ворот они шли втроём, держась за стену. Морвен тогда опоздал с докладом. Вааргут велел в другой раз предупредить.

— Мог, — сказал Морвен. — В тот день я остался сам.

За дверью слышались шаги стражника, который вернулся за ковриком. Морвен отступил на нижнюю ступень. Элиар тоже сошёл и встал так, чтобы видеть и его, и дверь.

Элиар взглянул на бумагу в руке Морвена.

— В третьей строке посмотри, кто должен меня принять.

Морвен разогнул её. Там стояло только «у внутренней двери». Дальше шёл знак от печати. Элиар провёл по нему согнутым пальцем. Сказал, что в распоряжениях на чаши всегда отмечали, кому отдавать. Иногда хватало имени человека от кладовой. Когда треснувшую чашу вернули под именем Элиара, он попросил, чтобы после него каждый оставлял свою метку.

— Мне могут сказать, что дальше позовёт Вааргут, — сказал он. — И я тогда уже не спрошу у караула, кто меня ждёт.

Морвен поднял глаза на внутреннюю дверь. Под дверью лежала узкая полоса света. Шагов за ней не было слышно.

— До неё можем дойти вдвоём. Пусть при мне скажет, что велит тебе делать.

Элиар взял перчатку за ремешок.

— Дойду, если ты при мне спросишь, где Ремек и почему за ним ещё не прислали. — Он опустил перчатку. — Дальше решу сам.

Морвен посмотрел на оставленное под печатью место. Когда он привёл Ремека, тоже собирался дождаться ответа у двери.

Во дворе прогрохотало ведро. Его подтянули к колодцу, и шум прекратился. Морвен опять сложил бумагу по сгибу, но сперва не попал и на ней осталась вторая белая складка.

Из коридора вышел стражник со свёрнутым ковриком и поставил его у стены. Спросил, оставить ли обе створки открытыми. Морвен сказал, что у него распоряжение для внутренней двери. Стражник протянул руку. Элиар встал так, чтобы между ладонью и бумагой оказался столб перил.

— Если я туда войду, он сможет остаться со мной? — спросил Элиар.

Стражник посмотрел на Морвена и ответил, что внутрь пройдёт тот, кого назовут в комнате. Может спросить сейчас, если они готовы ждать. Морвен не отдал лист. Если стражник уйдёт с ним, у Вааргута решат, что Элиар уже стоит под дверью. Дальше из комнаты могут выйти сразу за ним.

— Коврик оставь, — сказал Морвен. — За остальным я сам подойду.

Стражник отошёл к служебному выходу. Элиар проводил его взглядом. Потом спросил, может ли сам пойти к посланнику, минуя внутреннюю дверь. Морвен ответил, что посланник ещё за рекой. У ближнего стола можно объявить, что Элиар пришёл на сверку. Как только у стола объявят, что Элиар здесь, из внутренней комнаты успеют прислать за ним до того, как посланник причалит.

Элиар положил ладонь на перила, поднялся на ступень и оттуда посмотрел в сторону реки. С крыльца нижний огонь был ещё виден под навесом.

— Сколько там людей?

— На первую лодку писали с ночи. Остальные всё ещё ждут.

— Тогда что ты собираешься делать?

Морвен взглянул на внутреннюю дверь. Если постучать вдвоём, имя назовут одно. Элиара впустят по листку, а Морвен сможет задать вопрос с порога. Ваарguту достаточно будет велеть ему ждать у пристани. Багор Ремека стоял в караульной уже который день.

— Уходи по сухой дороге, — сказал он.

Элиар повернулся к нему.

— До старой мельницы?

— Дальше. Если тебя станут искать, сначала пойдут к лодкам. У тебя есть время, пока посланник на том берегу.

Элиар посмотрел на лошадь, которую увёл конюх. Ворота в конюшню были открыты. На дворе стреножили вторую лошадь, чтобы она не топтала мокрую подстилку. Седло для неё лежало на перилах. Морвен мог взять лошадь по слову и отдать Элиару. В книге записали бы его имя и направление. У Калёного камня дорога сужалась до двух колей, и человека верхом там заметили бы с любой из них. Пешего Элиара можно было принять за одного из тех, кто спускается к своим после ночи у переправы.

— Пройди мельницу по улице, — сказал Морвен. — В поле сейчас вязко. У крайнего дома спроси, можно ли выйти на старую дорогу. Если встретишь подводы с жерновами, пропусти их. Оттуда уже сам знаешь.

— На мостках у Калёного камня мне могут сказать, что пришло распоряжение вернуть меня.

— Может и прийти.

— От тебя?

— Моё слово у тебя сейчас.

Элиар сунул руку в карман плаща и нащупал там шнурок. Вытащил вместе со шнурком ключ. Когда Морвен протянул ладонь, Элиар отдал его. Это был ключ от общего шкафа возле внутренней двери, где они держали сухие рукавицы для верхней дороги. У одного из зубцов оставалась вмятина от того раза, когда шкаф перекосило. Морвен положил ключ к своим. Элиар теперь оставлял у него даже возможность вернуться за вещами.

— А люди?

— Первую лодку пропустят по записи. Я останусь у сходней. Когда придут сверять явку, пусть спрашивают с меня. Если второй рейс не успеет выйти до сверки, придержу его.

Элиар стоял на ступени выше него. Потом сошёл и застегнул плащ. Перчатку он наконец надел, затянул ремешок и протянул Морвену руку.

— Скажи Нерсе, что я слышал про её брата.

Морвен пожал ему руку.

— Сам ей скажешь.

Элиар не сразу отпустил руку. Ладонь у него была тёплая, хотя он только что держал мокрый повод.

— Ты тогда долго стоял у двери? — спросил он. — С Ремеком.

— Пока не сказали уйти.

— Я так и думал.

Он отпустил руку. Морвен хотел сказать, что стоять надо было дольше. Элиар уже смотрел на калитку.

Они прошли двор до задней калитки. Стражник там знал обоих и уже тянулся к засову, когда Морвен сказал, что Элиар идёт по сухой дороге. Стражник взялся за железо и спросил, ждать ли его к следующей смене. Калитку за ночь повело, и если её оставить открытой, потом приходилось поднимать за нижний край.

— Спроси меня на сходнях, если смена придёт, — сказал Морвен.

Стражник отпустил засов. Он переставил с подоконника кружку и вынул из щели короткий листок, где были записаны те, кого за ночь выводили через калитку.

— Мне что ставить?

Морвен мог назвать обход нижней дороги. Это было бы похоже на обычное поручение. Стражник запомнил бы два слова и, если спросят, повторил. Для ответа этого хватило бы, пока не посмотрят, в какую сторону Элиар ушёл за мельницей. Он увидел на листке два имени, которые знал по караулу. Третье было начато и зачёркнуто. За тем человеком Морвен вчера посылал сам, и тот так и не пришёл.

— Ушёл по моему слову. Сухая дорога.

Стражник записал. Потом отодвинул засов и попросил закрыть за собой.

Элиар вышел. На первом повороте ему пришлось посторониться, пропуская воз с пустыми корзинами. Воз заслонил его. Когда колёса прогрохотали мимо калитки, на дороге уже никого не было.

Морвен закрыл калитку до щелчка и пошёл к сходням через караульную. Багор Ремека стоял там же, в углу за дверью. Морвен прошёл мимо и не стал его трогать.

Глава третья
Досмотр

Морвен. Переправа, утро.

Когда Морвен спустился к реке, нижний огонь на дальнем берегу погас. Верхний ещё горел. Нерса стояла на сходнях и принимала из рук стражника котелок мальчика в длинном тулупе.

— Садись ниже, — сказала она ему. — Котелок я поставлю за твоей спиной.

Он сел, но всё равно обернулся проверить, где его вещь. Старший гребец отпустил причальный конец. Лодка отошла от сходней так тихо, что ещё можно было разобрать, о чём спорят люди на корме. Один из них хотел укрыть мешком ноги и всё никак не мог вытянуть мешок из-под соседа.

— Элиар ушёл, — сказал Морвен, когда Нерса поднялась к нему.

Она смотрела на лодку.

— Ваагут отпустил?

— Я.

Она обтёрла ладони о плащ.

— А Ремек?

— Его отпустят, когда покажут смену. На дальнем берегу пока думают, что Элиар у нас.

Нерса посмотрела на него. По тому, как она задержала взгляд, Морвен понял, что она ждёт продолжения.

— Я пойду к ним за Ремеком, — сказал он.

— Сначала узнай, станут ли с тобой говорить после сверки.

Нерса поднялась на верхнюю ступень и взялась за перила обеими руками. Морвен услышал, как под её ладонями скрипнуло дерево. На том берегу кто-то выносил длинную доску. Двое остановились, чтобы пропустить лодку к причалу. Если успеть до сверки, можно было послать со вторым рейсом человека, который первым делом спросит про Ремека. Морвен сказал это Нерсе. Она повернула голову.

— Кого?

Он посмотрел на гребцов. Один стоял в лодке и не выпускал весла, другого теперь заслоняли спины пассажиров. Из людей на дальнем настиле Морвен узнал только стражника у фонаря. Тот однажды отвёл его в караульный дом через заднюю дверь. Тогда у Морвена было поручение с печатью, и стражник пропустил его только после того, как сверил печать с дощечкой у себя в будке.

— Могу сам идти со вторым рейсом, — сказал он.

— Тогда кто ответит здесь, когда придут спрашивать, где Элиар?

Нерса взялась за верёвку, которую после отхода положили на доски. Стала собирать её кольцами. Морвен протянул руку, чтобы забрать свободный конец, но она успела подать его гребцу, который готовил вторую лодку.

— Когда ты ушёл от Ваагута, он уже знал, что ты Элиара не приведёшь?

— Я решил во дворе.

— Значит, теперь он ждёт, а на том берегу ждут по его слову. И только у меня спрашивают, когда вернётся Ремек.

Морвен вынул письмо. Нерса посмотрела на сгиб, потом на гребца с верёвкой. У того под ногой пошевелилась доска. Он остановился и поднял конец, чтобы подать его выше. Нерса

дождалась, пока он отвернётся, и только тогда приложила ладонь к письму. Не взяла. Выпрямила загнувшийся угол.

— Он знает, что за письмо я пойду куда угодно, — сказала она. — Если придёшь к его дому с одной этой бумагой, тебе сначала придётся назвать того, кто принёс.

— Я обещал вернуть его. Могу сказать и без бумаги.

— Можешь. Только я это уже слышала.

Она спустилась к гребцу. Морвен убрал письмо и остался возле спуска. Он мог ещё послать верхового по сухой дороге, догнать Элиара и попробовать успеть с ним на сверку. Тогда человек, которого он только что отпустил, понял бы, сколько времени Морвен держит слово, если его слушает кто-нибудь ещё. У дальнего причала ещё никого не высаживали. Морвен попробовал найти взглядом мальчика, но над бортом теперь виднелись только головы взрослых.

Первая лодка дошла до причала под верхним огнём. Оттуда подали сходни. Морвен увидел мальчика по тулупу, который волочился за ним по доскам. Котелок нёс кто-то из взрослых. Вейн дождался, пока гребцы на том берегу поднимут весло над бортом, и провёл черту под первым списком. К нему тут же подошёл Тоб. Он показал на дальний причал и сказал, что дочери спустились к воде раньше него. Одну теперь различал по светлому платку. Другую заслоняли люди.

— Обе там, — сказал Вейн. — Ты последним шёл. Я сам видел.

Тоб показал руку. На запястье осталась вторая лента. Мешок с первой девочки забрали в лодку. Вейн посмотрел на Тоба и снова на список, под которым только что провёл черту.

— Я сошёл, чтобы подать перекладину тому, у кого нога. Его товарищ уже сидел рядом с ним. Старший с воды позвал помощника с запасным веслом. Тот сел на мою скамью. Дочери на том берегу. Я на второй, если пустишь.

Писарь отыскал лист и пересчитал имена. У дальнего спуска приняли лодку по числу людей. Помощник, который занял место Тоба, в листе не стоял. Писарь поставил точку на полях напротив имени Тоба, чтобы вернуться к строке после сверки.

Точку Вейн вдавил так, что она проступила на обороте. Так его самого когда-то учили грамоте на сходнях, ещё когда у переправы не было книги, только доска у ворот. Учил Ремек, на этой самой ступени, хотя сам писал криво. Бумагу на мальчишек жалели, и Вейн выводил имя пальцем на мокрой доске. Буквы смывало, он писал снова. К весне имя у него выходило ровнее, чем у самого Ремека. Ремек рассказывал это всякий раз, когда Вейн записывал за него плату. Вейн всякий раз поправлял, что не к весне, а к лету.

— На второй тоже все по счёту, — сказал писарь.

Тоб выслушал его и стал сворачивать ленту. Морвен мог поклясться, что ещё ночью тот считал себя вправе сорвать со стены дощечку за дочерей. Теперь он спросил только, до каких пор надо ждать третьего рейса, если за ним придёт лодка. Писарь поднял глаза на Морвена. Морвен видел, что тот ждёт либо разрешения вписать имя, либо приказа пообещать другой рейс.

— Спроси у гребца, есть ли место. Кто в списке, тех сперва пропускаем.

Писарь посмотрел на реку.

— Вторую лучше подержать? Пока посланник не придёт.

Снизу молодой гребец поднял руку. С другой стороны трапа второй гребец придерживал женщину с ребёнком, пока та спускалась на мокрую доску. Морвен попросил всех задержаться у верёвки. Гребец остался на ступени. Женщина вернулась на сухое, но ребёнок уже держал обеими руками борт и не хотел отпускать.

— У них есть кто встретит? — спросил Морвен у писаря.

Писарь показал первую строку второго рейса. Человек с мешком ехал к брату. Напротив Гелы указали двор её сестры. Потом шли две семьи. За одной собирались прийти к лодке. Вторая ждала, что её пустят на ночь в пустой двор, который им указали ещё на верхней дороге.

— Если задержим, этих людей куда?

— Пока сюда же, — ответил писарь.

У стены под навесом уже сложили шесты с третьей лодки. Из оставшихся лавок одну унесли к килю. Женщина подтянула ребёнка к себе. Гребец посмотрел на Морвена и сказал, что может подержать лодку у нижней ступени, даже если люди уже сядут. Тогда за них не придётся отвечать на другом берегу. Ему надо знать, к какому огню смотреть, если верхний всё ещё будет гореть.

Женщина с ребёнком спросила, можно ли ей сесть и ждать на лодке. На берегу у неё отобрали бы сухую лавку те, кто пришёл после них. Молодой гребец показал на край ступени. Если не отвязывать борт, она может держать ребёнка у себя на коленях, а вещи останутся на досках. Женщина спросила, сколько ждать. Гребец посмотрел на Морвена.

От навеса подошла Лиэна. С ночи она разводила семьи по домам у ворот. Морвен знал её по нижнему берегу: в прошлый разлив она так же ходила от двора к двору и спрашивала, кто пустит чужих на ночь.

— В доме у ворот одна семья поместится, — сказала она. — Вторую под навес, к третьей лодке.

Она уже хотела позвать стражника, но женщина сказала, что её старшая дочь уже ждёт на том берегу у тётки. Женщина ещё вчера велела ей прийти к дальним сходням, когда откроют переправу. Если теперь её отведут в дом, пусть хоть пошлют сказать старшей, где ждать.

Морвен спросил, чей двор встретит её с ребёнком. Писарь ткнул в ту строку, которую только что показал. Гребец сказал, что на том берегу дом знает. Если вторую лодку оставят у берега, он передаст весть с первым бортом, который отсюда выпустят. Женщина выслушала, потом поправила ребёнку ворот и спросила Морвена, кто скажет, выпустят ли. Он посмотрел на дальние огни.

Лиэна присела перед ребёнком. Тот всё ещё держался за борт, будто лодку у него отнимали.

— Как зовут?

Ребёнок не ответил. Мать сказала за него.

— Ну вот, — сказала Лиэна ребёнку. — Лодка тебя теперь знает. Без тебя не уйдёт. Отпускай, она подождёт.

Он посмотрел на неё, потом на лодку и разжал одну руку. Вторую Лиэна разжала сама, по пальцу, и сунула ему в кулак сухую корку из кармана. Ребёнок сразу потащил корку в рот.

— С ночи ничего не брал, — сказала мать.

— А корку взял. — Лиэна поднялась и отряхнула колени.

Морвен взялся за верёвку. Раньше, когда задерживали сверку, у ближнего берега заранее говорили, какой борт оставить. Сегодня посланник ещё не вышел, но у дальних сходней разгружали первую. Оттуда уже убрали настил для тележки, чтобы подать сходню второй. Он видел это по тому, как люди у воды переставляли доску. Писарь подождал, пока Морвен скажет, что делать с теми, кто ещё на ступенях.

Морвен видел первый рейс у дальних сходней. Если подержать вторую лодку, люди останутся на здешнем берегу, когда выяснится, что Элиара нет. Дальше им придётся ждать нового договора. У первой лодки тем временем уже забирали вещи, подняли носилки. При прежней сверке, когда не хватило человека из списка, Вааргут велел оставить дальнему берегу объяснение, а начатый рейс пропустили. Морвен не знал, что на этот раз станет делать Кардун, но пока верхний огонь горел, у гребцов ещё оставалось время пересечь реку.

Элиару он обещал придержать второй рейс. Обещал на крыльце, когда отпускал. Теперь держать рейс значило держать здесь людей, а Элиару это уже ничем не помогло бы. Второй раз за утро Морвен менял собственное слово.

— По верхнему огню и ходим, — сказал он. — Вторую отпускай, если готова.

Тоб кивнул и спустился к навесу. Рядом с тяжёлой сумой он остановился, предложил поднести её к лодке. Гела поначалу ухватилась за лямку. Он показал ей пустые руки и сказал, что сам сегодня больше ничего не везёт. Она поднялась, и они вдвоём, каждый за свой край, донесли суму до ступеней. Там Морвен увидел, что пристроиться рядом с ней у Тоба уже не выйдет. Стражник отмерял последние места, и по его счёту лодка принимала только одного из них. Гела села ждать на сходнях. Тоб поправил лямку на её плече и шагнул обратно к Морвену.

— Дочери знают дом, — сказал он. — Я им утром три раза объяснил.

У ворот тем временем спустили к реке вторую группу. Люди подходили к лодке по одному, как просил писарь. У Гелы с тяжёлой сумой на плече никак не получалось переступить через борт. Нерса села у сходней и придержала лодку за борт.

Вторая лодка была уже на воде, когда от дальнего причала оттолкнулась узкая плоскодонка. В ней стоял человек со свёрнутым полотнищем. Он не садился, пока гребец вёл его поперёк реки. Обе лодки разошлись у средней вехи. Человек оглянулся на пассажиров, затем поднял руку, чтобы его увидели у ближних сходней.

— Сверка, — сказал писарь.

Посланник поднялся по сходням и стряхнул воду с сапог. У него на рукаве была нашита полоска кожи со знаком Кардуна. Морвен видел такие знаки над воротами на дальнем берегу. Пока ходил туда по службе, он привык останавливаться под ними. Однажды Морвен прошёл под знаком с просроченным листом и до самой будки не мог вдохнуть полной грудью. Бирки, которые вешали под знаком, были холодными даже в полдень.

Писарь принёс книгу. Посланник попросил раскрыть её там, где стояло имя Элиара.

— Покажите его, — сказал он.

Морвен встал рядом со столом.

— Его здесь нет.

Посланник остался смотреть в книгу. Чернила уже высохли, и на обороте листа, который писарь приподнял, Морвен увидел тёмную точку.

— Где он?

— Ушёл по моему слову.

Посланник поднял голову. Писарь стоял напротив него и всё ещё придерживал страницу кончиками пальцев. Морвен видел, как тот отодвинул ладонь от имени Элиара. Под отметкой о явке оказалось чистое место, где обычно писали, кто принял человека.

— Сколько времени назад?

— Достаточно, чтобы ты его здесь уже не нашёл.

Стражник с задней калитки принёс короткий листок. Положил рядом с книгой, именем к Морвену. Посланник прочёл запись и спросил, кто её велел поставить. Стражник посмотрел на Морвена.

— Я, — сказал Морвен.

На листке было «Ушёл по моему слову. Сухая дорога». Посланник спросил, куда идут через ту калитку.

— Вверх от воды, — сказал Морвен.

— Кто его видел после ворот?

Морвен не ответил. На дальнем берегу кто-то стукнул доской о настил. Второй борт ещё шёл по реке. На носу сидела женщина с ребёнком. Морвен видел, как она прижалась к борту, когда гребец поднял весло.

Стражник убрал пальцы с листка. Писарь посмотрел сперва на запись, потом на Морвена. Если взять перо сейчас, можно было бы поставить новую строку рядом со старой. Морвен знал, чьё имя над ней уже написано. Из двора за спиной никто не шёл.

Посланник прижал страницу большим пальцем. Полотнище он положил на край стола. Морвен мог выдернуть его оттуда, пока человек смотрел в книгу. На дальней пристани ждали именно это полотнище. Если посланник вернётся без него, там заметят отсутствие сигнала, но лодка, может быть, успеет высадить людей. Морвен посмотрел вниз по течению. Вторая лодка была уже за средней вехой. Гребцы на дальнем берегу вышли к доскам, готовые ловить конец. Со стороны будки спускалась стража.

— Запиши, что я сказал, — попросил он писаря.

— У нас тут ставят только то, что сверили.

— Вот теперь сверили.

Писарь взял перо. Посланник не отвёл руки от страницы. Пришлось открыть другую тетрадь, узкую, в коричневой обложке. Писарь попросил Морвена назвать слова ещё раз. Тот назвал. Посланник прочёл запись сверху вниз и спросил, по чьему слову отметили явку. Писарь открыл было рот, но Морвен ответил сам.

— Ваагут велел. Я должен был привести.

— Должен был привести или уже привёл?

— Ты услышал.

К столу подошёл ближний стражник. Под поясом у него застряла рукавица, которой он держал мокрую верёвку. Посланник покосился на него и убрал палец со страницы. Морвен хотел услышать, кого послали за ним из дома Ваагута. Стражник сказал только, что у дверей ждут доклада и спрашивают, можно ли провести второго человека к сходням. Оказалось, речь о старике, которого отвели погреться во двор. Оба его сына уехали первым рейсом. Сам он собирался дождаться свободного места. Морвен велел никого не спускать, пока не станет ясно, вернётся ли лодка за людьми. Стражник вынул рукавицу и остался у стола.

— У вас ещё есть перевозчик, — сказал Морвен посланнику. — Ремек. Мне сказали, он в списке на возвращение.

— Был к этой сверке.

— Его можно отпустить сегодня?

Посланник перевёл взгляд на реку. Он видел то же, что Морвен. Вторую лодку уже хватали за канат.

— Когда у нас посмотрят, кто был на первом рейсе, сможем говорить об обратном, — сказал он. — Если захочешь перейти с именем в книге, я назову час. Сегодня назвать не могу.

— А если я останусь у вас до следующей сверки?

— Что ты мне оставишь здесь, если сам уйдёшь?

Морвен сперва подумал, что это вопрос о человеке за человека. Потом посланник кивнул на писаря и велел тому записать, кто отвечает за ближний список до нового распоряжения. Писарь посмотрел на Морвена. Морвен узнал почерк, которым тот только что записал уход Элиара, и сказал своё имя.

Посланник отдал книгу писарю. Сошёл на две ступени ниже и развернул полотнище. Оно оказалось белым с красным краем. На дальнем берегу кто-то ответил таким же. Вторая лодка уже подошла к сходням на дальнем берегу. Двое стражников взяли её за канат и повели ниже по пристани. Там над водой стояла будка Кардуна.

— Люди здесь при чём? — спросил Морвен.

Посланник свернул полотнище. Ветер расправил его с другого конца, и ему пришлось перехватить ткань обеими руками.

— Кардун пропустил их по вашему слову. Теперь он хочет знать, кого и что везут. На здешних пристанях и на дорогах к ним будут досматривать груз и брать пошлину по его счёту. Передай это своим людям и соседям.

— Ты говоришь о наших пристанях.

— Обо всех, через которые идут лодки по этой реке.

Тоб подошёл от навеса. Посланник остановился на верхней ступени.

— Обе мои на первом рейсе, — сказал Тоб. — Возьмите меня следующим, если лодку вернут.

Вейн принёс лист. Имя Тоба стояло между именами дочерей, и под всеми тремя уже была проведена черта.

— Здесь он значится, — сказал посланник.

— Вот же я.

Посланник посмотрел на имя и на человека. Потом показал на конец листа.

— Будет следующий рейс, впишите заново. С этим листом его на том берегу уже сверили.

Он сложил список и вернул Вейну. Тоб протянул руку, словно собирался взять лист вместо писаря. Потом опустил её.

— Дай хоть полоску, — сказал он Вейну. — Что я здесь. Девочек не пиши, а то их у дальних ворот начнут искать для сверки. Мне только, чтоб мать знала, где меня ждать.

Вейн написал на обрезке имя Тоба и нижний сарай. Морвен показал записку посланнику. Тот ответил, что передаст писарю то, что касается рейса, а за пределы причала никого не пошлёт. Вейн отдал записку Тобу. На краю полоски собралась капля чернил. Тоб промокнул её краем передника, обвязал ленту вокруг руки и отошёл от стола. У нижних сходней попрежнему никто не мог сказать, когда будет обратная лодка.

— За первой группой уже пришли из домов, — сказала Нерса от сходней. — Пока у дальнего берега разгружали лодку, оттуда звали людей по дворам. Скажешь мне имя того, к кому они идут?

Тоб назвал. Нерса попросила повторить. Видно было, что дом она знает, потому что, выслушав имя второй раз, сразу спросила, не тот ли это, где к крыльцу ведут два настила. Он ответил, что один настил сняли на зиму. Она сказала, что попробует передать туда весть, если кто-нибудь из знакомых останется на той стороне до вечера.

Посланник убрал полотнище под руку. Когда он прошёл мимо, Морвен заметил на рукаве старые отверстия от прежней нашивки. Эту кожу нашили недавно. Посланник видел, что Морвен смотрит, и вытянул рукав до запястья. Затем спустился к плоскодонке. Писарь закрыл книгу. Морвен слышал, как под пристанью волна бьётся о сваи. На дальнем берегу стражники привязали задержанную лодку под будкой и велели пассажирам подняться на доски. Гела выбралась первой. Суму у неё забрали и поставили в ряд с остальными вещами.

Морвен обошёл стол. Ближний стражник всё ещё ждал с рукавицей в руке. Морвен попросил его передать в дом, что на первом рейсе сошли, второй задержали, а посланник объявил досмотр на пристанях. Стражник спросил, записать ли и про Элиара. Морвен показал на раскрытую тетрадь. Стражник прочитал строку. Он дочитал до имени Морвена и всё-таки спросил, кто ответит за людей в лодке. Морвен посмотрел на писаря. Тот не успел закрыть тетрадь. Между строками ещё можно было вписать что угодно, и Морвен впервые пожалел, что взялся отвечать у стола, когда лодка уже уходила.

— Пока идёшь туда, спроси ещё, могут ли прислать человека с обратным списком, — сказал Морвен. — Там семьи.

Стражник побежал по ступеням. Морвен увидел, как наверху ему пришлось остановиться, чтобы дать дорогу тем, кто спускался к реке. Люди видели поднятое полотнище. Они ждали, что им объяснят сигнал. Морвен пошёл к ним, но первым заговорил писарь. Он сказал, что второй рейс остановили для сверки и к воде пока никого не пустят. Кто-то поднял с дороги

старую перекладину и спросил, куда её деть. Морвен подумал, что на том берегу раненого уже встретили, и помог поставить перекладину под навес.

Когда Морвен вернулся к перилам, на дальнем берегу уже выстраивали вещи пассажиров. Ветер принёс оттуда крик. Морвен различил два слова, оба про поклажу. Люди у дальней будки повернулись в одну сторону, будто по команде. Теперь было видно, куда они пойдут, если стража велит подниматься. Вниз, к воде, от будки вели только три ступени. Они были свободны, пока стражники занимались сумами.

Тоб снова подошёл к перилам. Он завязал ленту на ремешке и затянул слишком сильно. Лента соскользнула, и он наклонился за ней.

— Второй рейс отпустил я, — сказал Морвен, когда Тоб выпрямился. — Будут спрашивать, кто отвечает за лодку, называй меня.

— Мне бы за сухими дровами отойти. У сарая знакомый, огонь одолжит.

Морвен кивнул и показал, где снять мокрые сапоги. Тоб пошёл к навесу. Вслед за ним поднялась девочка в разных сапогах. Она долго смотрела, в какую сторону нести узел. Потом догнала Тоба и взяла у него пустую корзину.

Нерса подошла к Морвену и заслонила ладонью глаза от света над рекой.

— От той будки дорога вверх, к караульному дому, — сказала она. — Если поведут туда, с воды их уже не подберёшь.

Она помолчала, не опуская ладони.

— У того дома окно на реку. Ремек раньше смеялся: кто там сидит, тот весь перевоз видит, а сам ни в одну лодку не сядет.

— Можно подойти снизу?

— По мелкому рукаву. Там мы обойдём знак Кардуна. Он у будки на большом причале, а в рукаве пристани отродясь не было.

Она позвала гребца с выщербленным веслом. Уключинный ремень у него был новый и слишком длинный. Он обмотал свободный конец вокруг запястья, чтобы не волочился по доскам.

— Твоя лодка под навесом? — спросила Нерса.

— Моя ниже.

— Подгони к осоке. В рукав по одной, если нужно будет ещё, подойдёте после нас.

Гребец глянул через реку.

— Туда людей ведут?

Морвен видел, как стражник у будки поднял с досок тяжёлую суму. Гела потянулась за ней. Стражник передал её товарищу, и тот поставил суму на верхнюю ступень, у дороги.

— Собираются, — ответил Морвен.

Гребец поднял весло. Посмотрел на дорогу, по которой уходил Элиар, и спросил, успеет ли ещё его догнать. Морвен сказал, что пешком нет.

— Возьми коня у навеса, — сказала Нерса. — Расскажи, что видел у будки. Скажи, где нас найти, если захочет вернуться.

Морвен хотел остановить его. Он только что отпустил Элиара от этой реки, а теперь за ним скакали обратно. Потом посмотрел на суму на верхней ступени.

— Звать не надо, — сказал он гребцу. — Расскажи и всё. Пусть сам решает.

Гребец отдал Нерсе весло и побежал вверх по берегу. Когда она повела Морвена к своему навесу, за воротами уже стучали копыта. Морвен успел разглядеть гребца в седле. Он направлялся по сухой дороге к мельнице.

У навеса на боку лежали две лодки. Одна была большая, третья лодка переправы, со светлой вставкой у киля. Через вставку шли две подпорки. Морвен потянулся к меньшей, Нерсиной. Нерса переставила с борта банку с паклей, которую оставила утром.

— Если возьмём большую, можно снять всех сразу, — сказал Морвен.

Она показала на подпорки.

— Киль ещё сырой. И она в рукаве сядет. Пойдём на моей.

У кормы Нерсиной лодки шёл свежий шов. Пакля была вбита плотно и подрезана вровень с доской. Так конопатил Ремек. Он не терпел, когда пакля торчит: за неё, говорил, цепляется тина, и лодку потом тянет к берегу, как телёнка к матери.

— Сама подбивала? — спросил Морвен.

— Сама. — Нерса глянула на шов. — Он мне три зимы показывал. Я всё пальцем давила, а надо железкой. На днях вспомнила, с какой стороны её держать.

Морвен ничего не сказал. Железку Ремек показывал и ему, в тот последний день у сходней. Морвен тоже держал её не той стороной.

Морвен снял с гвоздя причальный конец. Нерса велела оставить половину верёвки, иначе её всю придётся тащить за собой по осоке. Он отмерил до колена, развязал оба мотка и сунул короткий под среднюю банку. Внизу к осоке шла девочка в разных сапогах. Нерса остановила её у мокрой доски. Девочка хотела узнать, где искать ту, что обещала починить ей второй сапог. Морвен вспомнил тяжёлую суму на дальней ступени.

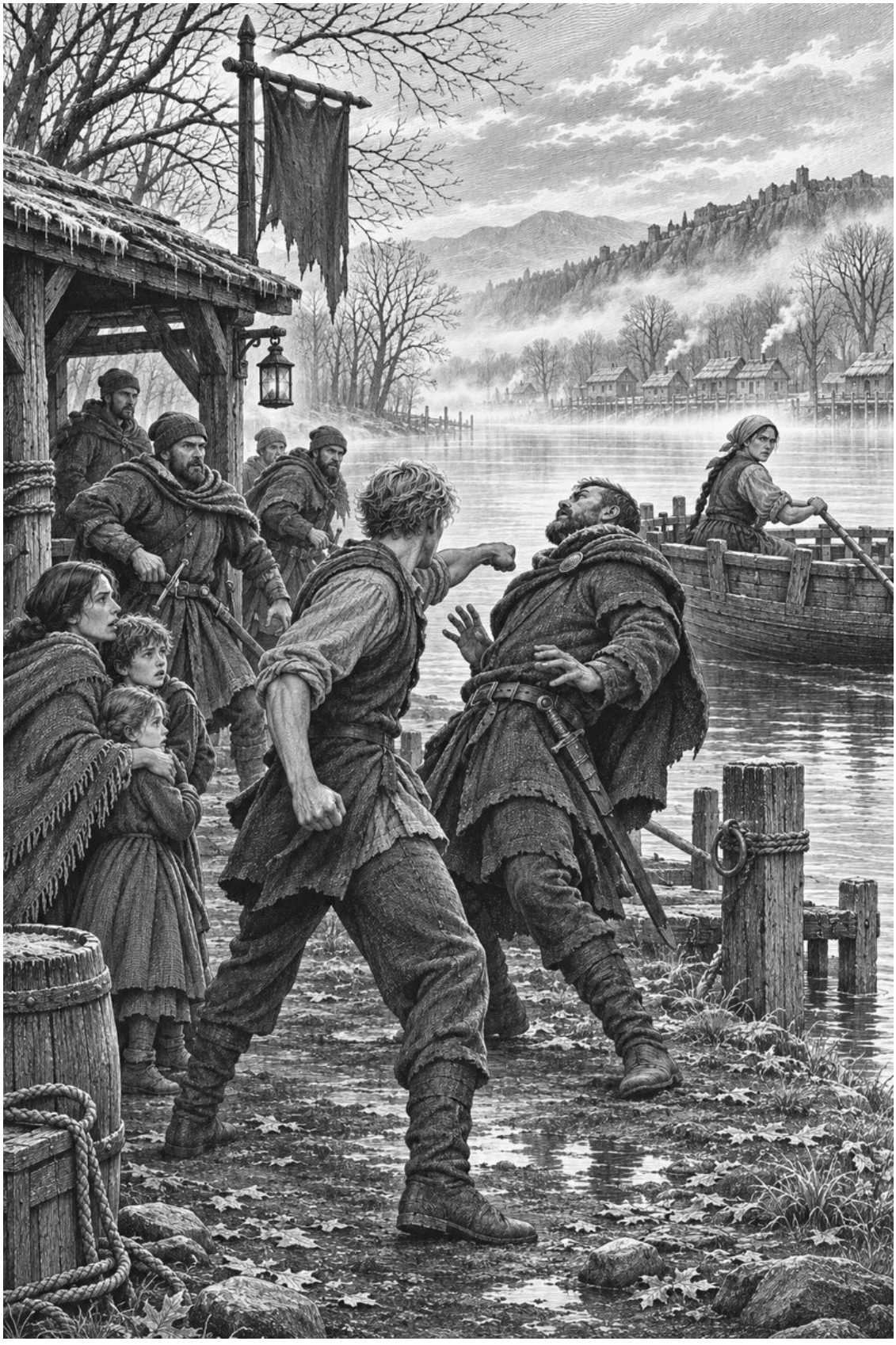
— На той лодке, — сказал он.

Девочка посмотрела на дальний берег. Отсюда лодку закрывала крыша причала. Она сняла большой сапог, осмотрела подошву и надела обратно. Нерса попросила её подержать банку с паклей, пока лодку снимут с досок. Девочка встала у стойки и прижала банку к груди. Нерса тогда отогнула край навеса и достала запасное весло. Пока Морвен глядел на дальний берег, она успела уложить его поверх банок так, чтобы оно не застряло при спуске.

— Подними с носа, — сказала она. — Сможешь сам?

Морвен взялся. К днищу налипла высохшая трава. Когда они потянули лодку к воде, она сошла с досок и упёрлась кормой в камень. Нерса перешагнула через борт и столкнула её пяткой. На этот раз лодка пошла.

Глава четвёртая
«Хватит»

Морвен. Переправа.

Нерса завела лодку в осоку. Посланник возвращался к дальнему причалу, но его гребец остановился у средней вехи. От будки ему дважды махнули. Он повёл плоскодонку вдоль берега, дождался другого сигнала и только потом скрылся за выступом. За ним всё ещё слышались вёсла.

Морвен держал лодку за носовой конец. Нерса попросила его присесть, чтобы с дальнего настила не заметили движения. Между стеблей был виден верх дороги к караульному дому. По дороге прошёл человек с пустым ведром и остановился у поворота подтянуть сапог.

— Нас оттуда видно? — спросил Морвен.

— Если лодка выйдет прямо отсюда, увидят. Дожди снесли ветки ниже. Там течение ведёт к осоке, и за ней есть где выпрямить лодку. Пока не свернули, говори со мной тихо.

У Морвена под ногой осел песок. Он вынул сапог, но верёвку не отпустил. С этой стороны можно было ждать сколько угодно. Кто-нибудь с большого причала пришёл бы узнать, почему он ушёл от стола. У тех, кто стоял у будки, такого места не было. Когда к ним потянутся за сумами, им придётся либо идти, либо оставить вещи на ступенях.

С ближнего спуска донёсся голос. Вейн звал стражника, который повёз бы распоряжение к верхней деревне. Внизу кто-то попросил поставить ещё одну лавку. Сквозь осоку Морвен видел ноги людей, которые ходили за ними взад и вперёд. У него за пазухой лежали обе бумаги. Он снял куртку, подвернул подкладку и проверил, куда дошла вода. Письмо было сухим. Положить его можно было под сиденье или оставить в куртке. Он снова оделся.

Нерса взглянула на дорогу над дальним причалом.

— Если поднимут туда хотя бы одного, увидишь. Там до поворота открыто.

— А дальше?

— Дальше дом. С лодки туда не подойдёшь. Скажешь людям, чтобы держались за нижние ступени.

Она протянула ладонь за верёвкой. Морвен передал ей конец. Нерса стала выбирать его по ладони, но тут Морвен услышал шаги на берегу. Впереди шёл гребец, который отдал Нерсе весло. За ним показался Элиар. Плащ он расстегнул на ходу, а полы подхватил обеими руками, чтобы не цеплялись за сухие стебли.

— Догнал его за мельницей, — сказал гребец. — Коня оставили у сарая.

— Уже повели? — спросил Элиар.

— Ещё у будки, — сказал Морвен. — Ты мог идти дальше.

— Мог.

Он остался стоять на берегу. Морвену пришлось подняться на два шага, чтобы не смотреть снизу. За осокой было видно пятно на колене у Элиара. Тот упал или ждал гребца на сырой земле. Ремешок перчатки на правой руке снова болтался. Морвен потянулся затянуть его, но Элиар перехватил ремешок и застегнул сам.

— Тебя пропустили у мельницы? — спросил Морвен.

— Я уже был на старой дороге. Там один человек показал мне, где она выходит к насыпи. За насыпью гребец меня и догнал. Сказал, с лодки снимают вещи. Если людей поведут вверх, то к караульному дому.

Гребец спустился ниже, присел и начал распутывать причальный конец своей лодки, спрятанной за изгибом берега. Морвен видел, что руки у него дрожат. Когда он закончил с узлом, спросил Элиара, ждать ли ему до вечера.

— Здесь жди, пока мы не выйдем из рукава, — сказал Элиар. — Когда увидишь нас у ближнего спуска, спроси Нерсу, нужна ли помощь.

— Я тебе говорил, там столько людей…

Гребец умолк. Элиар положил ему руку на плечо, пока тот выбирался на твёрдое место.

— Ты видел, как их повели? — спросил Элиар у Морвена.

— Пока только выставили вещи. Я видел, где дорога поднимается.

— Если меня там увидят, решат, что я пришёл на сверку. Пока не спросят, сможешь подойти к людям.

— Я иду за людьми, — сказал Морвен. — Ремека с лодки не взять, это я понимаю. Но если стража поведёт тебя вместо них, я и людей не выведу.

— Я знаю.

Морвен слышал, как под рукой Нерсы стукнуло о борт весло. Она ждала, чтобы Элиар сел. Он посмотрел на Морвена и тихо добавил:

— Я мог уйти дальше. От насыпи до поворота было меньше сотни шагов. Человек у насыпи поднял для меня жердь, я ему обещал к вечеру быть у мостков на Калёном камне. — Элиар подтянул пряжку перчатки, хотя она уже держалась. — Потом спросил гребца, есть ли на той лодке дети. Он говорит, мать держит одного у борта, а второй стоит у бочки. Если их поведут от воды, она с двумя сама не спустится. Ну я и повернул.

У гребца из кармана торчал огрызок свечи. Морвен увидел, как тот вынул его и переложил под сухой край куртки.

— Ты ему сказал, что я звал? — спросил у него Морвен.

— Сказал, что Нерса ждёт у осоки и может взять его, если захочет вернуться.

— Если нас заметят, я сама решу, когда отводить лодку, — сказала Нерса.

Элиар посмотрел на Морвена, словно хотел проверить, не возьмёт ли тот снова всё на себя. Морвен показал на дальнюю будку. С речной стороны там можно стоять до нижней ступени. Выше людям придётся идти мимо знака. Элиар сказал, что останется у подъёма, если стража начнёт уводить пассажиров. Тогда Морвен сможет быть у доски.

— Как я ушёл, у калитки записали, — сказал Элиар. — А почему вернулся, спросишь у меня.

На воде у осоки качнулась лодка. Нерса ещё держала конец на ладони. Элиар подошёл к ней и спросил, может ли из её лодки пересесть к людям на обратном пути. Нерса показала на дальний настил. Если пассажиры вернутся на свой борт, надо вести оба. Сколько в их лодке останется места, выяснится у воды. Элиар сказал, что может идти вдоль ступеней, пока остальных сажают. Морвен хотел спросить, почему всё-таки вернулся. Элиар уже спускался к воде. Следом по узкой тропе шла Лиэна, придерживая над осокой скатанный плащ. Две семьи на задержанной лодке она сама ночью записала к дальним дворам.

— Мои там, — сказала она, будто Морвен спросил. — Я их к тем домам отправляла, мне и забирать.

Она протянула плащ Нерсе.

— Подложишь под канат, если надо будет тянуть лодку по камню.

— Четверых она возьмёт, — сказал гребец.

— Ты жди со своей, — ответила Нерса.

Морвен подал Элиару руку. Элиар ступил на борт, и лодка села глубже. Нерса велела ему перебраться к корме, а сама взялась за вёсла. Лиэна села рядом с Морвеном. Плащ Нерса уложила поперёк колен, сухой стороной вверх.

На середине реки Морвен перестал видеть задержанную лодку. Осока по дальнему берегу была выше сидящего человека. Между двумя её полосами Нерса нашла тёмный рукав, где вода почти стояла. Здесь веслом можно было достать дно. Морвен отталкивался от камней выщербленным веслом. Нерса держала нос против слабой струи. На повороте было так тесно, что две лодки здесь бы не разошлись.

На дальнем берегу они привязались к корню и вышли на глину. Нерса осталась у лодки.

Морвен поднялся на сухое место и снова соскользнул. Лиэна удержала его за рукав. Пока они шли через рукав, плащ, который она принесла, намок краем. Теперь она развернула его и прижала к борту, где верёвка тёрлась о дерево. Нерса поправила складку, выждала, пока борт ляжет ровно, и дала Лиэне свободный конец.

— Гребцу покажешь дважды, если нас не видно, — сказала она. — Только из рукава. С большого причала махать нельзя.

Морвен прислушался. За каменной насыпью слышались голоса людей. Между голосами доносился глухой стук. На доски ставили вещи. Один раз кто-то крикнул: «Это не моё». Ему ответили уже тише. Морвен хотел подняться выше и взглянуть с дороги, но Нерса указала вдоль воды. На дороге нельзя было уйти в сторону, если встречный караульный остановится. Внизу можно было отступить за груду старых бочек.

Элиар вытащил из-за пояса нож, которым обычно резал верёвку, и передал Морвену. Тот принял его за обух. Элиар сдвинул нож ему в ладони, чтобы тот мог сразу спрятать под рукав.

— Если привязали новым концом, узел на мокром не развяжешь, — сказал Элиар.

Лиэна взглянула туда, где шумели люди.

— На лодке две семьи с детьми, — сказала она. — Детей одной женщины я ещё утром видела у ворот. Она не умеет плавать. Когда спустятся к ступеням, она подаст сначала их. Ты не уходи со сходней, пока она не сядет сама.

Морвен кивнул. Лиэна произнесла это как просьбу, которую ему уже пора исполнить. Он посмотрел на Нерсу. С того места, где она сидела, ей было видно окно караульного дома. Если бы у окна кто-нибудь появился, можно было бы различить плечи, а лица уже не разглядеть. Нерса сидела к нему боком. Морвен понял, что она держится в таком положении, чтобы видеть сразу окно и воду. Он тоже посмотрел наверх. В окне на миг что-то посветлело, будто к стеклу поднесли ладонь, и сразу пропало. Нерса не шевельнулась. Может, ей отсюда было не видно, а может, она уже видела это раньше.

— Если нас спросят про Ремека, — сказал он.

Нерса повернулась.

— Тогда слушай, что скажут. Про брата я потом сама спрошу. Веди людей сюда, пока они внизу. От будки до воды три ступени. Если сумеете вернуть людей на их лодку, ведите её сюда. Я покажу, где свернуть.

Выше глины начинался настил. По нему когда-то возили бочки, и промежутки между досками были широкие. Морвен пошёл первым. За последней бочкой показались ступени и будка Кардуна. Знак висел между стойками у будки, там, где начиналась дорога в караульный дом. Настил примыкал к ступеням ниже знака, у самой воды.

У ближайшей бочки Лиэна догнала Морвена и жестом попросила его пропустить её вперёд. С того края можно было видеть лодку. В ней оставался гребец. Он стоял на коленях между вёслами и держал обе руки на борту, чтобы стража видела их. У переднего конца верёвку пропустили через кольцо и обернули вокруг доски. Когда волна поднимала нос, доска подавалась следом. Морвен шагнул к краю настила. Лиэна взялась за его пояс и вернула за бочку.

— Сначала посмотрим, кого ведут, — сказала она.

Морвен опустился ниже. Сюда выходил конец лестницы, которой пользовались для разгрузки. Если подняться на две ступени, можно было подать человеку руку. До знака оставалась ещё ступень и место перед дверью. Пока кто-то был внизу, туда смотрел только гребец. Наверху начальник караула ходил между пассажирами. У ребёнка он спросил, где мать. Когда она подошла, заставил обоих показать, где лежат их вещи. Двое стражников перекладывали одежду из одной сумы в другую, потому что разошёлся шов и из угла сыпались орехи. Пассажиры ждали, что после досмотра их отпустят вниз.

— Позови гребца, когда я до него дойду, — сказала Лиэна. — Он сейчас один решит, что ему проще остаться.

Она перебралась за соседнюю бочку. Морвен протянул ей нож, но Лиэна покачала головой. Вместо него взяла конец плаща, который Нерса позволила унести, и перекинула через плечо. Гребец увидел движение. Приподнялся на коленях, открыл рот. Лиэна приложила палец к губам. Он выпрямился так, чтобы закрыть её от стражников, и показал на кольцо у самого носа.

Элиар в это время переступил на доски. Морвен видел, что он идёт вдоль бочек, ниже подъёма, и остановится там, где от лестницы начинается дорога. Люди на верхней ступени разошлись и пропустили человека с сумой. Морвен поглядел поверх его плеча. За поворотом дороги показались сапоги.

У будки досмотрели последнюю суму. Пока пассажиров считали, со стороны караульного дома на дорогу вышли двое стражников. Гела стояла у начала подъёма. Она держала суму за лямку, а стражник велел поднять и идти вверх. Остальные теснились на нижних ступенях. Один мужчина всё ещё держал в руке причальный конец и смотрел, куда его можно перебросить.

Начальник караула увидел Элиара первым.

— А ты откуда?

Элиар спустился по доскам к Геле. Стражник у дороги взял её за локоть. Она потянулась к суме и чуть не упала, когда он дёрнул её вверх.

— Отойди, — велел начальник караула.

Элиар встал между ним и сапожницей.

— Хватит.

Начальник протянул руку, чтобы отодвинуть Элиара. Элиар ударил первым. Коротко, по руке, так что начальник отступил и задел плечом стойку. Знак у будки качнулся. Стражник отпустил Гелу. Начальник прижал ушибленную руку к груди и глянул на знак, будто ждал от него ответа. Знак молчал. Начальник велел своим стоять на месте.

— Кто тебя прислал? — спросил он Элиара.

Морвен ждал, что Элиар назовёт Вааргута. Если сказать это сейчас, двое сверху, может быть, остановятся и захотят сперва узнать, пришёл ли он договариваться. Элиар смотрел на начальника, пока Гела не сделала первый шаг вниз. Тогда Морвен услышал, как кто-то у дальнего конца ступеней прокричал, что сам может свести детей к лодке. Начальник отвёл взгляд. Этого хватило, чтобы сапожница шагнула ещё раз.

Сума лежала между ног у стражника. Тот отступил на одну доску. Гела дотянулась до лямки, но потянуть на себя не смогла. Морвен просунул ладонь под кожу, приподнял суму и услышал, как в ней перекатилось железо. Стражник мог наступить на лямку, если бы захотел задержать их ещё на шаг. Он придержал локоть раненого начальника. Морвен подхватил суму. Гела сразу пошла за ним. У воды Лиэна уже помогала гребцу опустить сходни. Доска упёрлась одним краем в ступень. Морвен поднял её, Лиэна подтянула лодку к ступени, и сходни легли поперёк борта.

— Кто с детьми, сюда, — сказала она.

Люди спускались молча, пока один из стражников не крикнул кому-то в будке позвать остальных. Тогда с верхней ступени прыгнули сразу двое. Лодка накренилась, и Морвен успел встать на сходни, удерживая их сапогом, пока гребец рассаживал людей.

Гребец наклонился за концом и дёрнул. Верёвку закусило. Морвен передал суму Геле, вынул нож и сунул его в щель возле кольца. Железо упёрлось в доску. Он сперва думал перерезать верёвку, но лодка качнулась, узел приподнялся, и Морвен вытащил петлю. На ступени осталась царапина, светлая по краям. Гребец взял верёвку и обвёл вокруг запястья.

— Семья и человек с мешком ещё на досках, — сказал он.

Мужчина с мешком уже ступил на первую доску. За ним мать держала одного ребёнка, а второй стоял у бочки. Морвен окликнул мужчину и попросил освободить доску. Мужчина перехватил мешок и отошёл к бочке. Спросил, кому его подать, пока проходят дети.

Лиэна велела подождать. Затем позвала ребёнка в серой рубахе, на которого показала мать. Тот повернул голову, но с места не двинулся. Тогда Гела вытянула из сумы колодку и приподняла её над бортом. Сказала, что эта штука нужна ей для сапог, а ребёнок может подержать до берега. Он взял колодку и подошёл к матери. Морвен подвинул доску к лодке и дождался, пока оба окажутся у неё под рукой.

Лиэна прижала сходни ногой, чтобы конец не скользил. Мать перенесла одного ребёнка, вернулась за вторым. Тот не хотел выпускать её юбку. Морвен поднял его с колодкой в руках, перенёс через покатую доску и посадил на дно между вёслами. Мать шагнула следом. Подняла ребёнка, чтобы не ударился головой о борт. Пока она садилась, из прорванной сумки снова высыпались орехи. Ребёнок тянулся к ним, и Лиэна придержала его за рукав.

Когда семья прошла, мужчина снова взвалил мешок на плечо и спустился боком. Гребец попросил оставить мешок на ступени. Мужчина посмотрел на него, потом подтащил мешок к Лиэне.

— Там еда, — сказал он.

Она велела опустить мешок поперёк двух скамей. Мужчина положил его, но борт осел почти вровень с водой. Тогда Гела придвинула свою суму к ногам и попросила всех у борта подвинуться к ней. Между двумя мужчинами освободилось место. Гребец выпрямился и опустил весло. Оставить мешок всё ещё было можно. Морвен глянул на ступени: двое из караульного дома дошли до будки. Теперь, если мешок останется, стражники смогут позвать человека обратно за ним. Морвен подвинул его ближе к середине. Две пустые корзины и разобранный сундук оставили на ступенях. У носа осталось место для Морвена. Морвен сказал Лиэне, что ей с Элиаром надо выйти к лодке Нерсы, и повернулся к ступеням.

Элиар так и стоял у будки, между караулом и лодкой. Он ничего не ответил начальнику. Морвен видел, как тот оглядывается на дорогу, откуда спускалась подмога.

— Иди, — позвал Морвен.

Элиар спустился, и Лиэна увела его вдоль бочек к рукаву. Морвен втянул сходни на борт и сел у носа. Гребец оттолкнулся. Когда лодка отошла от ступеней, Морвен услышал, как по настилу к будке бегут люди.

У поворота Нерса уже выводила лодку из осоки. Элиар и Лиэна сидели в ней. Нерса подняла выщербленное весло, указала на тёмную воду за собой и гребнула, чтобы нагруженная лодка не зашла в осоку раньше неё. Морвен оглянулся на дорогу над причалом. На верхнем конце виднелась крыша караульного дома.

— Ремек там, — сказал он.

— Знаю, — ответила Нерса с соседней лодки. — Держите мою корму в виду. Людей ещё надо довезти.

За поворотом рукав расширялся. Нерса показала, куда держать нос, и у широкой воды пропустила их лодку вперёд. Гребец слишком сильно налёг на весло. Нос повело к камням. Морвен перекинул ногу через банку и упёрся запасным веслом в дно. От толчка лодка повернулась. Нерса шла следом к выходу. Морвен видел, как над осокой дрогнула её корма, потом снова показалась на свету.

— Дальше легче? — спросила Гела.

Морвен не знал. Он попросил её снять с плеча лямку: если лодка ляжет набок, суму можно будет отпустить. Сапожница просунула руку под ремень и стянула его с локтя. На ладони была полоса крови. Видимо, лямка тёрла там всё время с тех пор, как она ухватилась за неё у дороги. Морвен разжал пальцы, которыми сам держался за борт. Под ногтями осталась глина от ступеней. Если бы он двинулся вверх за Ремеком, ему пришлось бы сперва отнять у человека

ключи или просить, чтобы ключи вынесли. На нижних ступенях его уже ждали бы те, кто держал дорогу.

Морвен смотрел на крышу, пока осока её не скрыла. Потом подвинул Геле суму. Она поставила её себе на колени и зажала лямку под локтем.

На ближнем берегу Нерсину лодку приняли за осокой. Гребец, который ездил за Элиаром, вывел свою из-за изгиба у нижнего спуска. Он поймал конец с пассажирской лодки и помог завести её за большой навес. Морвен шагнул на камень. Лиэна уже поднялась на берег с лодки Нерсы. Она побежала вверх и вернулась с двумя людьми, которые могли нести детей.

Наверху их встретил ближний стражник. Рукавицу он теперь заткнул за пояс. В руке держал листок от писаря. Одна строка на нём была размазана. Он сказал, что по распоряжению из дома Вааргута пристань закрыта для выхода, пока дальний берег не объяснит, кого удерживает. Морвен стоял по колено в воде и придерживал лодку. Лиэна положила руку на лист, чтобы стражник не унёс его наверх.

— Тогда выпускать никого не будем, — сказала она. — Этих людей сперва примем. Спроси у писаря, кто остался на том берегу.

Стражник посмотрел на проход, по которому она уже успела дважды спуститься. Дети прошли мимо него, мокрые до колен, и сели у стены. Он отдал лист Лиэне и помог Морвену вытянуть лодку выше. У самого настила их догнала Гела. Морвен предложил ей взять суму на себя, но она подала ему локоть. На этот раз он шёл рядом, пока она не дошла до сухой ступени. Там стояла девочка в разных сапогах. Гела, увидев её, открыла рот и засмеялась. Потом села и попросила девочку открыть суму. Руку надо было перевязать, а чистое полотно лежало на дне.

С сухой ступени Гела велела девочке подтянуть суму к себе. Девочка достала кусок чистого полотна и спросила, где резать. Женщина показала от локтя до ладони. Морвен увидел, как у неё дрожат пальцы, когда она пытается сложить ткань вдвое. Он придержал край. Женщина сняла с лямки нож и подала девочке. Та отрезала полосу, приложила к ладони и спросила, туго ли. Женщина велела оставить под узлом место для пальца.

Стражник, который держал лодку у воды, остановился выше них. Он спросил, может ли Гела сказать, как её вывели к причалу. Сапожница попросила его подождать. Девочка просовывала конец полотна под повязку. Стражник постоял на ступени, пока она не закончила, и спросил, кто забрал суму на досмотре.

— Стражник у будки. Имени я не знаю. Тот, что потом тянул меня за руку, был другой. Первого не запиши за второго.

Стражник похлопал себя по карману. Писать ему было нечем. Он спросил, смогут ли они пойти с ним к писарю. Женщина подняла перевязанную руку. Чтобы встать, ей понадобится опереться. Когда Морвен предложил довести её, она попросила сперва подать девочке суму. Там остались инструменты, которыми вечером можно подшить сапог. Девочка взяла суму за короткую ручку, не перекидывая лямку на плечо.

— Пусть писарь придёт к печи, — сказала Гела. — Скажу ему, как было. Если захочет про то, чего я не видела, позови гребца.

Стражник кивнул. Взялся за суму, дождался, пока девочка разожмёт пальцы, и поднялся следом за ней. Морвен успел увидеть, как у верхней ступени он остановился, чтобы подождать Гелу.

Тоб вышел к спуску, когда узнал, что вернулись пассажиры. Морвен сказал ему, какая лодка вернулась. Тот дождался, пока на сухое место выйдет последний, и только тогда поверил, что дочерей среди них нет. Он пошёл было к воротам. Нерса остановила его у конца настила. Она назвала дом у каменного столба и сказала, что ближе к ночи попробует узнать о нём через гребцов первого рейса. Потом спросила, кому здесь передать, если ей удастся узнать. Тоб не захотел уходить от берега. Лиэна дала ему место у печи рядом с дверью, чтобы он мог услышать, если кто придёт.

Элиар оставался на ступени у воды, пока из лодки вынимали поклажу. Морвен вернулся за последним мешком и увидел его мокрые рукава. На правой перчатке ремешок лопнул. Элиар выдернул его и спрятал перчатку в карман. Стражник спросил, кто ударил начальника на том берегу. Он, видно, услышал об этом от кого-то из пассажиров и теперь хотел знать, что отвечать у ворот.

— Я, — сказал Элиар. — Женщину потащили к дому. Спроси её, если нужно для книги.

Стражник посмотрел наверх. Гелу уже увели к печи. Морвен сказал, что если понадобится найти её, он покажет дом. Он взял за край мешок. Элиар взялся с другого конца. На первой ступени они подняли его выше, чтобы не замочить у воды.

— Ты ему руку не сломал? — спросил Морвен.

— Нет. Это он сам о стойку. — Элиар посмотрел на свои костяшки, ссаженные до красного. — Я раньше никого не бил. Думал, будет громче.

Они донесли мешок до навеса. Элиар опустил свой край первым и подул на костяшки.

— Ты так и не спросил, — сказал он. — Почему я вернулся.

— Ты сказал. Из-за детей.

— Сказал. — Элиар сжал и разжал пальцы. — Ремек бы тоже повернул. Он с середины реки поворачивал, если на берегу махали. Хоть рукавом.

Морвен поставил мешок ровнее, чтобы не завалился в лужу. От двери с разбитой ступенью Ремек не повернул. Туда его привёл сам Морвен. Говорить этого он не стал.

Вейн пришёл к печи с тетрадью, где утром записывал отправление. Гела села ближе к лампе. Девочка держала у себя на коленях её суму. Вейн спросил, видела ли Гела, кто ударил начальника.

— Слышала, как сказали «хватит», — ответила она. — Обернулась, а начальник уже у стойки. Руку к груди прижал. Самого удара не видела.

Вейн вывел первое слово и отнял перо от бумаги. Лиэна сидела у края лавки. Она подождала, пока Гела закончит.

— Я стояла у бочек, — сказала Лиэна. — Элиар встал перед начальником и ударил первым. Я видела.

Вейн поднял голову.

— Как тебя записать?

— Лиэна, с нижнего берега. После удара я спустилась к лодке, к сходням.

— Кто повёл людей вниз? — спросил писарь.

Девочка подняла голову от сумы. Сказала, что гребец рассказывал про женщину, которая вернулась за вторым ребёнком. Писарь спросил, у какой двери девочка слышала гребца, и пометил, у кого спросить. Потом снова взялся за перо. Морвен попросил его подождать.

— Лодку отпустил я, — сказал он. — Прежде чем посланник пришёл к книге. Напиши это там, где начался второй рейс.

Писарь перевернул страницу. На второй строке стояло только число. Морвен повторил, при каком огне велел вести лодку. Писарь записал имя, потом спросил, кого на том берегу не нашли. Гела назвала сестру. Её ждали у дома, сестра до причала не дошла. Она повернулась к Морвену и спросила, помнит ли он, чей двор назвали у ближних ворот. Морвен сказал, что у писаря было записано, кому помочь при посадке. С дальнего берега от её сестры он ничего не слышал.

Девочка подвинула к стене суму. Гела сказала, что до утра останется у печи. Если найдут дом, куда можно перебраться с инструментами, с утра займётся сапогом. Девочка опустила ноги с лавки. Большой сапог стукнул о пол, маленький остался висеть. Она поджала ногу и попросила взять сначала большой. В нём легче ждать, пока стянут порванный шов.

Гребец, который ездил за Элиаром, ел у двери стоя и после каждой ложки выглядывал на реку.

— Ты чего? — спросила Нерса.

— Конь. Я его из-под навеса взял и у сарая за мельницей бросил. А чей он, не спросил.

Нерса забрала у него миску и показала на дверь. Он ушёл, не доев. Вернулся затемно, привёл коня под навес и сказал, что хозяин нашёлся и не ругался. Велел только в другой раз брать мерина, кобыла на мостках пугается.

К ночи вывезенных разместили в двух домах у ближней пристани. Перед рассветом Морвен вернулся к воротам. Лиэна уже стояла там в накинутом плаще. Легла она за полночь, а теперь не могла сказать, что её подняло.

— Тоб мне ночью сон рассказывал, — сказала Лиэна. — Будто девочки стоят у колодца и не знают, куда свернуть. Я ему говорю: свернут у столба, ты же им три раза объяснял. Он так и уснул у печи, с лентой в кулаке.

Она смотрела не на Морвена, а на воду. На дальнем берегу горел один огонь, далеко в стороне от сходней, у караульного дома. Оба причальных огня погасили.

У писаря уже лежал лист, присланный дальним берегом. Он держал его за два угла, пока стражник вбивал гвоздь в воротную доску. На листе было сказано, что переправу приостанавливают до нового договора. Ниже стоял знак Кардуна.

Глава пятая
Три поселения

Морвен. Ближний берег.

Подвода, на которой везли муку, вернулась пустой. Возчик привёл лошадь к сараю. Вывезенные с дальнего берега ночевали в двух домах у пристани, а днём их сводили сюда. По просьбе Сивели здесь поставили лавки и затопили печи. Лошадь остановилась сама, у пустых яслей. Возчик слез и снял с оглобли верёвку, будто всё ещё собирался развязать мешки.

— Сколько отобрали? — спросила Нерса.

— Все шесть. Люди Кардуна после закрытия переправы поставили заставу у поворота к нашей деревне. Сказали, мука там пролежит, пока староста не признает досмотр. А потом с каждого мешка платить.

Он достал из-за пазухи щепку с тремя зарубками. Стражник дал её взамен мешков и велел принести обратно, когда староста согласится на пошлину. До своей деревни возчик так и не доехал. Обоз для неё останавливался на единственной дороге, по которой в это время года могли пройти гружёные телеги.

У печи Геле помогали расстегнуть мокрый рукав над перевязанной ладонью. У двери раздался голос Сивели. Она заведовала сараем: невысокая, в переднике до пят, с мукой на руках по локоть. У дальней печи, которую со вчерашнего дня не топили, под полотном стояла её квашня, и тесто в ней подошло до самого края.

— Отнеси ведро к яслям. Здесь тебе оставили место у печи.

Возчик поставил ведро перед лошадью и остался снаружи. Через щель в двери Морвен видел, как он обвил верёвку вокруг ладони и уставился на пустую подводу.

Сивель вышла следом за возчиком. Она принесла ему миску, поставила на оглоблю и дождалась, пока он возьмёт. Возчик хлебнул, остался у яслей и снова посмотрел на подводу. Он ехал из мельницы с шестью мешками и вёз с собой пустой мешочек, чтобы отмерить при хозяине плату. Теперь мешочек висел у оглобли. Морвен развязал его, чтобы тот не болтался возле лошади.

— У поворота всё стояло ещё вчера? — спросил он.

— Вчера к ночи там положили бревно. Знак повесили сегодня. Мне сказали, чтобы я к объезду не сворачивал. Дорога по глине, колёса зарываются. Сегодня отодвинули бревно и пустили в середину. Двое с той стороны, двое с этой. К лошади даже не подошли. Попросили назвать двор, который прислал меня. Потом раскрыли мешки, взяли горсть и сверили с тем, что записали. Я стоял и смотрел, как они разрезают новые завязки.

— И дальше тебя отпустили?

— Вернули лошадь. Велели привести старосту. Если придёт до завтрашнего помола, обещали вернуть всё. Дальше ещё один обоз стоял. Откуда, не разглядел.

Сивель присела к пустому мешочку. На ткани остались белые полосы по сгибу. Она растёрла пальцами одну, спросила возчика, где он должен был отсыпать плату. Тот назвал пекарню у отмели. Сивель выпрямилась. За дверью звякнула крышка котла.

— У меня до вечера дотянет, — сказала она Морвену. — Из нижних дворов утром уже приходили спросить про хлеб. Двух детей уже привели сюда, потому что дома нечего поставить на стол.

Она сняла с пальца налипшее тесто и глянула на край печи. Там лежала горбушка, тёмная до черноты, твёрдая, как подошва.

— Ремек мне в прошлую зиму дрова возил, — сказала Сивель. — По льду, на санках. Платы не брал. Брал горбушку, самую горелую, и говорил, что от неё зубы крепче. Я ему потом нарочно одну подпаливала. — Она отвернулась к квашне. — Вчера опять подпалила. Руки сами.

Морвен хотел спросить, зачем она её держит. Сивель уже сняла полотно с теста, и спрашивать было не у кого.

Она забрала пустую миску и провела его в сарай. У печи сидела Гела. По её указанию девочка держала между колен деревянную колодку. Большой сапог лежал на полу, маленький Гела проверяла здоровой рукой. Ей понадобились шило и новая нитка. Сивель открыла суму, нашла шило и оставила рядом. Гела спросила, есть ли за сараем место, где можно положить мокрую подошву под груз. Возчик подошёл к двери и предложил положить её под камень у яслей. Сапожница сказала, что закончит к вечеру. Когда Морвен собрался к писарю, она попросила его задержаться и показать, как держать колодку, если девочке надоест.

Он подержал, пока она сделала два отверстия. Дальше могла сама. Гела протянула нитку и дала девочке подержать конец.

— Тяни, когда скажу. Не раньше.

Девочка потянула раньше. Гела не ругалась, только вынимала нитку и начинала заново. На третий раз девочка дождалась слова и потянула так, что сама качнулась назад. Гела засмеялась, прижимая перевязанную руку к груди.

В углу Тоб развязывал свой маленький свёрток с одеждой. Он вынул полоску, на которой Вейн указал нижний сарай. Лиэна положила рядом чистый лист. Вчера вечером дальний караул отпустил гребца первого рейса одного, с пустым бортом. На дальних сходнях он видел, как мать узнала ленту на мешке и пошла к девочкам. Обе дошли до дома, который назвал Тоб.

— Когда за ними можно? — спросил Тоб.

— Обратного рейса пока не будет, — сказала Лиэна. — Напиши им сам. Полоску из книги вложим.

— Скажи им, я здесь.

Лиэна подвинула к нему чернильницу. Он обмакнул перо, вытер излишек о край и застыл над листом. Морвен вышел, пока тот подбирал слова. В дверях он оглянулся. На листе пока стояли только два имени, старшей и младшей, а между ними Тоб пером вывел что-то вроде ленты.

Щепка с зарубками осталась у лошади, на краю яслей. Морвен взял щепку и пошёл к писарю. У ворот сидел Иллен, худой, с чернилами на пальцах до второго сустава. Он вёл книги ворот и почти никогда не спорил. Перед ним лежали две раскрытые книги, и в обеих между листами торчали клочья полотна. Он попросил Морвена сесть так, чтобы свет от двери падал на страницы.

— Я ищу, когда увели Ремека.

— Нерса сказала, что после обряда.

— День мне известен. Смотри, что ему обещали здесь.

Иллен показал старую книгу ближнего берега. Рядом с именем Ремека стояло число, к которому его обещали вернуть. В списке с дальнего берега место для числа осталось пустым.

— Вот ещё двое, — сказал Иллен. — Их сроки прошли раньше. У одного дома отец, которого некому поднять с лавки. Я сверю, кого видели живым после того, как кончился срок. Ты знаешь, кто носит письма?

— Знает Нерса.

— Я спрошу, кому можно передать записку.

На листе с ближнего берега срок стоял над чертой. Морвен узнал руку Вейна. У Ремека рядом с именем стоял ещё маленький крючок. В старых списках он означал, что от места возвращения человека отведут до дома. Морвен показывал когда-то новым писарям, как ставить

этот знак, чтобы он не походил на цифру. Теперь крючок едва умещался, потому что имя Ремека пришлось дописать мелко.

— Это ты просил? — спросил Иллен.

— Так полагается.

— Ты просил? — переспросил Иллен.

— Я сказал ему, что отведу.

Иллен кивнул, будто только этого и ждал, и ничего не записал. Потом подвинул дальний лист в сторону. На нём внизу стояли две даты. Последнюю вписали позже. Между ними перевозчиков с ближнего берега приняли один раз. Морвен попытался вспомнить, кто водил в тот день лодку, но в памяти остался только багор за дверью.

— Если спрашивать о Ремеке сейчас, откуда у нас будет имя того, кто его видел? — спросил он.

— Сначала спросим у Нерсы, у кого можно спрашивать. Записывать будем, когда человек согласится. Здесь и без того видно, кого ждут дома. По меньшей мере троих.

На том же листе Морвен увидел имя старухи, чей сундук помогал нести. Иллен показал отметку, которую сделали, когда она сошла у ближних сходней. Для неё слово «вернулась» повторили в обеих книгах. В одном месте оно было вписано боком: писарь не оставил строки. Морвен провёл по записи пальцем и убрал руку.

У двери поставили мешок. Стражник, который утром носил доклад, принёс его с пристани. Внутри лежали дощечки остановленных рейсов. Он попросил Иллена принять их по счёту. Утром Вейн снял их со стены у ворот и велел убрать подальше, чтобы на рассвете никто снова не ждал третьей лодки. Морвен расправил мешок и пересчитал их вместе со стражником. После последней дощечки нашёл на дне свернувшийся обрывок списка. Угол ещё оставался мокрым. На нём стояло имя девочки с первым рейсом, рядом имя Тоба. Он показал обрывок Иллену.

— Первый лист надо выправить, — сказал Морвен. — Обе дочери сошли. Тоб остался.

— Могу спросить гребца. Кто ещё видел?

— Вейн видел его после того, как лодка ушла. Я тоже.

Иллен отложил обрывок к краю стола. На отдельной бумаге поставил число и переписал из списка имя Тоба и имена обеих дочерей. Рядом оставил место для того, что скажет гребец.

Морвен положил щепку между книгами. Иллен перевернул её и увидел выжженный знак Кардуна.

— Они уже взяли муку?

— У этой деревни да. Возчик говорит, дальше стоит ещё один обоз.

Иллен достал чистый лист и записал шесть мешков, имя возчика и дорогу. Морвен дождался, пока он поставит число.

Нерса подошла к столу за списком ночующих. Иллен придержал лист. Спросил, может ли человек, который видел Ремека, рассказать ещё о двоих из старой книги. Нерса прочитала имена. Первое попросила повторить вслух.

— Спросить могу я, — сказала она. — Пусть он сам скажет, что готов передать. Ты запишешь мои слова. Его имя сюда пока не пойдёт.

— Тогда рядом поставлю твоё. И напишу, что ты слышала от него.

Она согласилась. Иллен отрезал от чистого листа две узкие полоски и записал на них имена. Нерса взглянула на старую книгу, где у брата стояло число.

— Срок у него прошёл, — сказала она.

— Прошёл, — ответил Иллен.

Нерса сложила полоски вдвое, потом ещё раз, пока они не стали с ноготь, и убрала под клапан сумки. Морвен спросил, когда она увидит того человека. Она ответила, что сначала надо узнать, дома ли он после закрытия переправы.

Из дома Вааргута пришёл посыльный. Он нашёл Морвена у ворот и передал, что хозяин ждёт его доклада. Новых условий дальний берег не прислал, кроме листа с запретом. В соседней деревне уже объяснили, сколько стража будет брать за мешок.

Морвен показал ему щепку. Посыльный прочёл три зарубки, потом увидел у последней знак Кардуна. Отпустил дерево и попросил сказать хозяину всё это самому.

Иллен сунул Морвену лист с записью возчика и сказал вернуть до вечера. Через двор Морвен прошёл мимо пустой лавки у внутренней двери. Сейчас там лежала сложенная перевязь. Стражник в коридоре прочёл на листе название поворота, где отобрали муку, и сказал, что у него там сестра. Потом сходил до двери и вернулся.

— Велел войти.

У окна стояли двое от верхней дороги. Они говорили с Вааргутом так тихо, что Морвен от порога не разобрал ни слова, хотя никто их об этом не просил. Вааргут отпустил их кивком. Они вышли не оглянувшись.

Морвен положил на стол лист Иллена и щепку. Рассказал про шесть мешков, про бревно у поворота, про пошлину на всех пристанях. Вааргут слушал и смотрел не на щепку, а на него.

— Почему их не снимут с наших дорог? — спросил Морвен.

— Потому что у Кардуна Ремек и ещё двое наших. Тронем его людей у поворота, он тронет тех, кто у него. — Вааргут отодвинул щепку обратно к Морвену. — Пустые возы пусть отпускают. Об этом я попрошу.

— А про Элиара ты не спросишь?

— Ты отпустил его своим словом. — Вааргут не повысил голоса. — Значит, его срок теперь твой.

Он придвинул к себе тёмную книгу. Морвен видел её на этом столе всегда, но ни разу открытой. Вааргут обмакнул перо и писал недолго. Морвен прочёл вверх ногами: «Морвен — за Элиара». Чернила не блестели, как сырые. Они легли сразу тёмными, будто строка стояла там давно.

— Накажешь меня?

— Я не наказываю. Я записываю. — Вааргут закрыл книгу. — Людей от ворот не бери. Они нужны мне здесь. Иди.

В коридоре Морвен остановился у стены. Ремень сумки врезался в плечо, хотя в сумке лежал один лист Иллена. Он перехватил ремень и пошёл дальше.

Уже на повороте его догнал стражник. Спросил, сколько мешков понадобится деревне хотя бы до утра. Морвен не знал. Стражник рассказал, что у сестры пятеро дома и что в пекарне она брала хлеб раз в два дня. Если хлеб не привезут, ей придётся идти вниз к реке. Морвен сказал, что вечером соберутся люди от трёх деревень, и пообещал спросить.

По пути обратно у сарая он нашёл Лиэну. Она пришла с двумя пустыми корзинами, которые ставила под стол. Дальше она собиралась отправить кого-нибудь в нижнюю деревню за старостой. Морвен сказал ей, что людей от ворот хозяин не даст. Про книгу говорить не стал. Лиэна выпрямилась.

— А с гребцами ты сам договорился, пока стоял на сходнях?

— Нет. Я там был с одним Вейном.

Она отдала ему одну корзину. За старостой надо было идти тому, кто сможет рассказать о втором рейсе.

В нижней деревне староста стоял возле лодки, поднятой на козлы. Морвен узнал его по длинной шапке с пришитым изнутри лоскутом. На спуске стучали молотками. У двоих гребцов руки были в смоле. Староста выслушал, что случилось с возом, и взял у Морвена щепку. Морвен объяснил, что к вечеру её придётся вернуть. Староста спросил, можно ли оставить её у него, чтобы показать людям. Он обошёл лодку и позвал гребцов, которые до этого не подняли голов. Те посмотрели на знак. Один сказал, что на соседней дороге уже ставили караул и там

хотели пересчитать лодки. Второй спросил, зачем считать, если груз можно увидеть и с берега. Староста ответил, что тогда за каждой лодкой начнут спрашивать двор.

— Ты пришёл с приказом? — спросил он Морвена.

— Лиэна ждёт вас у сарая. Я пришёл рассказать про рейсы.

— Так расскажи сперва этим двоим.

Он показал на гребцов. Морвен поставил корзину на козлы, чтобы руки были свободны. Назвал оба рейса, объяснил, когда подняли полотнище. Сказал, что дальнему берегу было известно об отметке, когда Элиар ещё не пришёл, и что он сам отпустил его. Гребец со смолой на пальцах перестал вытирать ладонь. Староста выслушал до конца. Потом подозвал первого гребца, отдал щепку и попросил повторить, что теперь требуют со всех пристаней. Гребец повторил. Староста снял шапку с козел и пошёл с Морвеном к сараю.

Один из гребцов окликнул Морвена у козел. Его брат с ночи ждал у отмели вестей о первой лодке.

— Если сегодня лодку опять остановят, кто нам скажет?

— Скажу я. Брат пусть ждёт у пекарни, к знаку ему ходить незачем.

Гребец, которому староста передал щепку, покрутил её в пальцах. На дереве было три зарубки, а возчик говорил о шести мешках. Что считали зарубками, не знал никто. Щепку гребец обещал отнести Иллену к вечеру, когда покажет людям у воды.

Староста у дороги свернул к двум домам, прежде чем идти к сараю. У первого на крыльце сидел старик и сматывал в круг верёвку.

— Сколько лодок внизу? — спросил староста.

— Одну большую сын ведёт от мельницы. Вторая у спуска, на козлах. К вечеру не спустим, обшивке надо просохнуть.

— Ту, что от мельницы, дашь под мешки?

Старик посмотрел на Морвена, потом на корзину.

— Сын поможет Нерсе принять. За его товарища отвечать не стану. Пусть сам решает, оставлять ли двор, пока у поворота люди Кардуна.

Он домотал круг и затянул конец.

— Это ты с Ремеком ходил? — спросил он Морвена.

— Я.

— Он мне весной лодку со дна поднимал. Сам нырял, в ледяную. Вылез синий и первым делом спросил, цела ли уключина. — Старик сунул верёвку под лавку. — Уключину я ему потом отдал, а он оставил у меня, сказал, потом заберёт. Пусть Нерса возьмёт, у неё на корме кривая стоит. Мне на козлах она ни к чему.

Морвен сказал, что передаст. Староста уже стоял у следующего дома.

У следующего дома пахло горелым тестом. Женщина с деревянной лопатой спросила, пришли ли они за хлебом. Её сын стоял с соседской лошадью у возов на заставе, где пустые отпускали по одному.

— Одну лепёшку уже сожгла, — сказала она. — Два раза бегала смотреть, не идёт ли.

Староста попросил её прийти к печи и сказать про сына при мельнике. Она положила Морвену в корзину горячую лепёшку. Для сына оставила вторую.

К вечеру к сараю пришли люди из трёх поселений. Из верхней деревни явился мельник, из нижней староста привёл гребцов. От той, куда хлеб не дошёл, пришёл сам возчик и ещё двое, которые пересекли поле пешком. Они выложили на стол такие же щепки. У каждой были свои зарубки. Письма с условиями Кардуна ни у кого не оказалось. Условия пересказывали стражники, а потом записывали их писари в деревнях.

Нерса пришла последней и с порога по привычке пересчитала людей вслух, как перед отходом. Дошла до двенадцати и остановилась, будто ждала, что кто-нибудь назовёт ещё одного. Потом села с краю. Сивель поставила на стол хлеб из своей квашни. Резать не стала,

разломила руками на столько кусков, сколько было людей, и один положила перед пустым местом рядом с Нерсой.

Гела к этому времени дошила. Девочка сняла большой сапог, надела зашитый маленький и прошла от печи до двери и обратно. Шла осторожно, как по первому льду. У стола остановилась.

— Они одинаковые, — сказала она Геле, будто жаловалась.

— Так и надо.

— Я теперь не знаю, какая нога какая.

Мельник, который до того не сказал ни слова, засмеялся в кулак. Гела велела девочке сесть и показала: на правом шов снаружи, на левом внутри. Девочка потрогала оба шва и успокоилась. Большой сапог Гела убрала к себе в суму. Сказала, что пригодится на вырост.

Тоб подошёл к Морвену с листом. Под двумя именами и лентой стояло три слова: «Я здесь. Ждите». Ниже он начал что-то ещё и зачеркнул так густо, что перо прорвало бумагу.

— Хотел написать, когда приду, — сказал он. — А не знаю.

— Так и оставь.

Тоб сложил лист вчетверо и спросил, кому отдать. Морвен показал на Нерсу. Нерса взяла, не разворачивая, и убрала под тот же клапан сумки, где лежали полоски Иллена.

Лиэна придвинула лампу к середине стола и попросила возчика назвать, сколько хлеба осталось дома. Он сказал, что в печи со вчерашнего дня ничего нет. В амбаре лежит зерно на посев, и уже двое предлагали открыть его. Староста из нижней деревни снял шапку и положил перед собой, словно пришёл просить.

— Если дадим свой хлеб, завтра за ним придут к нам, — сказал он. — Стража видела, кто был у той лодки.

— Если они съедят посевное зерно, весной придут к вам и за хлебом, и за семенами, — сказала Лиэна. — Сколько вы готовы отдать сейчас?

Староста повернулся к мельнику. Тот придерживал лампу, потому что стол шатался. Возчик положил рядом с лампой лист с расчётом за помол. На нём перечислили мешки и цену за каждый, если их всё же довезут. У двух строк вместо цифр стояли имена дворов. Те дворы обещали помочь в поле, когда придёт время. Мельник спросил, считать ли обещание в силе, если муку теперь придётся везти через нижнюю пристань. Возчик ответил, что за дворы пока говорить не может.

— Приведите меня к тем, кто взял воз, — сказал мельник. — Если платить надо только за эти мешки, я сам заплачу за них. Там моя мука. Мне всё равно нужно потом получить за неё зерно.

— Они просили старосту, — сказал возчик. — Ты скажешь, что платишь за эту муку. Они запишут, что ты признал дорогу ихней.

Мельник вытер руку о колено. В нескольких местах к рукаву прилипла мука. От верхнего помола он приехал прямо сюда, ещё в рабочей одежде. Морвен видел, как тот держит лампу, хотя Лиэна уже подложила под ножку сложенную тряпку. Пока руку не отнимал, мог смотреть на пламя вместо людей за столом.

— Тогда два мешка мне кому отдать? — спросил он.

Нерса сказала, что сама примет. Мельник спросил, знает ли она, с какой стороны подходить к пристани, пока там ещё есть тень от навеса. Нерса описала обе дороги, по которым можно подвезти груз. С той, что ближе, пришлось бы снимать мешки у самого поворота. С дальней можно подъехать к спуску и сразу отдать их в лодку. Мельник попросил показать это возчику. Тот выслушал и спросил, можно ли вернуться домой на этой же лодке. За столом перестали двигать бумаги. Теперь было видно, у кого окажутся мешки, если они уйдут со двора мельника.

— До нижней пристани я довезу два мешка, — сказал мельник. — Дальше моих людей не посылайте. У мельницы тоже есть кого охранять.

— Мы примем, — сказала Нерса. — От нижней пристани доведу лодку вдоль нашего берега. У третьей деревни свои сходни. Идти через большой причал нам незачем.

Возчик выпрямился.

— У сходней мелко. Гружёная лодка там садится.

— Разгрузим на отмели, — сказала Нерса. — Только пришлите людей нести мешки.

Староста развернул шапку подкладкой вверх, провёл пальцем по мокрому шву и спросил, кто будет охранять его гребцов. До этого Морвен думал о пристанях как о местах, между которыми ему велели ходить. Теперь мельник знал, до какого двора может довезти мешки, Нерса знала, у какой отмели их снять, и каждый ждал, кто ответит за следующий отрезок.

— Дойду с ними до вашей пристани, — сказал Морвен. — Дальше Нерса скажет, где ждать.

— А если стража придёт к нам, пока лодка у них? — спросил староста.

Лиэна развернула к нему лист, на котором Иллен считал мешки. Провела пальцем от верхней деревни к нижней и дальше к отмели.

— Пусть каждый выставит людей там, где их знают. Верхняя деревня доведёт воз до вас. У вашей пристани вы встретите его сами. У отмели встретят те, кому нужен хлеб. Завтра повторим, если сегодня получится.

Староста долго рассматривал лист. Потом назвал двоих гребцов, у которых дома были свои лодки. Мельник снова сказал «два мешка», и Иллен записал их под именем деревни. Возчик попросил место в лодке. Ему нужно было добраться домой, чтобы успеть собрать людей к отмели.

Когда люди начали расходиться, один из двоих с дальней дороги остался у стола. Он вынул из-за пазухи деревянный ключ и положил рядом с лампой. Морвен решил, что ему надо отнести ключ кому-то у ворот. Человек объяснил Лиэне, что это от амбара, в котором лежит посевное. Староста его деревни отдал ключ ему, чтобы ни один двор не открыл амбар, пока посланные не вернутся.

— До утра возчик должен сказать, что помощь пришла, — добавил он. — Если за ним никого не будет, я отдам ключ обратно. Тогда к обеду зерно разберут.

— Иди к отмели, — сказала Лиэна. — Покажи людям ключ. Пусть подождут, пока увидят мешки.

Он спрятал ключ и ушёл пешком. От сарая до их деревни через поле можно было дойти засветло. Морвен посмотрел, куда повернули гребцы нижней деревни. Они пошли другой дорогой, за лошадьми. Утром все снова будут у своих дворов. На столе у Иллена записали, кто даёт муку и куда довезёт. После второй черты имён для охраны не было.

Морвен провёл пальцем по пустому месту. Иллен подвинул лист, чтобы досушить чернила.

— Я могу идти у отмели, — сказал Морвен. — Не только до нижней пристани.

— Тогда назови, у кого ты возьмёшь людей, — сказала Лиэна.

У каждого, кого он знал по ближним сходням, была смена у ворот. Раньше хозяин дал бы ему на ночь двоих. Сегодня он сказал: людей от ворот не бери.

— Пойду один, — сказал Морвен.

— У отмели сегодня ждут те, кому нужен хлеб, — ответила Лиэна. — Морвен, мне понадобится человек на нижнем спуске, когда телега придёт. У тебя же там спрашивали, кто ответит за мешки.

Она взяла со стола корзину и пошла к двери. Морвен догнал её у порога, взял корзину и понёс до пристани.

У спуска один из нижних гребцов держал лампу и всматривался в дорогу. Его товарищ не пришёл: дома у него видели людей Кардуна, и он остался у своего двора. Нерса велела подложить сухую доску под край настила, чтобы колёса его не раздавили. Морвен положил доску и пошёл встречать воз.

Воз пришёл без фонаря. Колёса были обмотаны тканью там, где лопнула обвязка. У поворота воротину держал сын женщины с лепёшками. Его отпустили с заставы вместе с соседской лошадью, как только у бревна отвели следующий воз. Он прижал створку к забору и не отпускал, пока колесо не миновало ступень. Мельник привёз оба обещанных мешка.

Первый мешок с телеги передали Морвену, и тот чуть не выронил его, когда под ногой качнулась доска. С другого конца мешок подхватила Нерса. В лодке уже сидел возчик с той самой верёвкой. Он принял мешок на колени и только тогда разжал руку. Второй уложили ниже, на дно. Нерса попробовала корму веслом и отвязала лодку.

С верхней дороги послышались подводы. Морвен прикрыл фонарь полой. Мельник завёл лошадь за створку и стоял, держа её за морду, пока подводы не прошли мимо. Потом посмотрел под полог, где осталось место для третьего мешка, и взял поводья.

— Если меня на мельнице к рассвету не увидят, — сказал он, — решат, что и этот воз взяли.

У ворот стражник, у которого сестра жила за поворотом, стоял на смене.

— Дали им хоть что-нибудь? — спросил он.

— Два мешка везут. На всю деревню.

Стражник кивнул и посмотрел мимо него, в темноту за воротами.

— До отмели по реке далеко. Я в первый снег оттуда лошадь выводил, так она у меня на камнях два раза ложилась. — Он помолчал. — Второй гребец вернулся?

— Один остался у себя.

Тогда стражник снял с гвоздя сухую шапку и протянул Морвену. До конца смены к воде он уйти не мог, а шапка, видно, должна была пойти туда вместо него.

Морвен вернулся под навес и ждал у спуска. Ночь стояла тихая. На дальнем берегу, высоко над водой, горел один огонь, у караульного дома. Морвен смотрел на него так долго, что начал различать окно: светлый квадрат и в нём тень рамы. Раз свет заслонили, будто кто-то прошёл мимо лампы. Ремек в разлив мог полночи стоять у окна и по огням считать, чья лодка идёт. Морвен поднял руку и опустил. Отсюда её не было видно даже ему самому.

Потом с реки потянуло стоячей водой, хотя течение у спуска шло своим ходом, как всегда. Запах был тот же, что под знаком у будки. Огонь наверху погас. Он не дрогнул перед этим и не стал меньше, его просто не стало. Морвен ещё долго смотрел в то место, где было окно.

Когда на воде дважды показался свет лампы, он поднял свой фонарь, чтобы Нерса знала, куда подвести лодку.

Лодка вернулась перед рассветом. Возчик остался у себя.

— У отмели ждали девять человек, — сказала Нерса, выбираясь на доски. — И тот, с ключом. Оба мешка донесли до пекарни. На день хватит. Следующий воз мельник обещал после помола.

Она оглянулась через плечо на тот берег, где наверху теперь было темно.

— Там всю ночь горело. Я по нему держала, когда шла обратно. А потом погасло, и дальше я шла по памяти.

Морвен отнёс эту весть к сараю. Элиар сидел снаружи на перевёрнутой бочке и резал хлеб на ломти для тех, кто пришёл с ночной пристани. Он сидел на виду у всей улицы, в нескольких дворах от дома Вааргута. Оттуда со вчерашнего дня никто не пришёл и не спросил, где Элиар. От этой тишины Морвену было не легче. Он рассказал Элиару, кто согласился дать людей и до какого места их пошлют.

Элиар слушал и резал. Ломти выходили одинаковые, в палец толщиной, и он складывал их на лоток внахлёст, как черепицу.

— Огонь у караульного дома ночью погас, — сказал Морвен. — Перед самым рассветом.

— Там всегда гасят к утру.

— Не так. Его не задули. Его просто не стало.

Элиар отложил нож. Вытер лезвие о край тряпки, хотя оно было чистым.

— Ремек на воде всегда считал гребки, — сказал он. — Шёпотом, до ста и сначала. Говорил, так в тумане не собьёшься. Мне сам признался, когда мы чинили сходни. Просил не говорить Нерсе, она бы смеялась.

— Я не знал.

Морвен посмотрел через реку. Крыша караульного дома в утреннем свете была просто крышей, серой, с тёмным краем. Окна отсюда было не различить.

— Иллен сверял сроки, — сказал он. — У Ремека срок прошёл.

— Значит, теперь он у них без срока.

Элиар снова взял нож. Из сарая выглянула девочка в разных сапогах, посмотрела на хлеб и спряталась. Элиар отрезал ломоть, положил на край бочки и звать не стал. Через несколько вдохов ломтя уже не было.

— Если Кардун перекроет и этот путь, кто пошлёт своих людей защищать соседнюю пристань? — спросил Элиар.

Морвен перебрал в уме имена, которые называли за столом. Назвать было некого. Он взял у Элиара лоток с нарезанным хлебом и понёс в сарай. Под грудиной лежало что-то тяжёлое, как камень, который сунул за пазуху и забыл вынуть. Про тёмную книгу он тоже ничего не сказал. В ней теперь стояло: «Морвен — за Элиара».

Глава шестая
Чужая пристань

Морвен. Нижняя деревня.

Утром посыльный принёс в сарай хлеб с отмели. Он положил каравай на тот самый лоток, с которого Элиар на рассвете раздавал ломти, и подвинул ближе к печи, чтобы оттаяла прихваченная морозом корка.

— Мельник добрался. Велел передать, что следующий помол будет к вечеру. Я на отмель к своим ходил, у пекарни попросили хлеб сюда занести.

Морвену хотелось спросить, как тот успел побывать и у мельника, и у отмели. Посыльный снял сапог и вылил на порог воду. Два участка пути он прошёл по кромке реки. По дороге к отмели ему пришлось свернуть у поворота, где держали отобранный обоз. Там теперь стоял человек с дощечкой Кардуна и записывал, из каких дворов пошли к воде.

— Он тебя вписал?

— Спросил имя. Я сказал, что к своим иду, и пошёл дальше. Он за мной не увязался. У него там очередь. — Посыльный подул на пальцы. — Дощечка у него мокрая, а дождя не было. И руки синие, будто он лёд держит, а не дерево.

Элиар прижал каравай ладонью. От ножа хрустнула корка. Пар Морвен увидел только у самого лезвия. Элиар завернул два куска в тряпку и дал посыльному. Остальное унёс Сивели. Она уже успела выгнать из сарая кур, которые забрались под печь, и теперь считала пустые миски. Возле каждой она ставила ложку.

Проходя мимо, Сивель сунула Элиару миску с горячим.

— Ешь, пока не ушёл. Вы оба с ночи.

Элиар съел стоя, в несколько ложек, и вернул миску. Морвену она ничего не сказала, только посмотрела, и он сам взял ложку.

— На сегодня хлеб есть, — сказал Морвен.

Сивель пересчитала ложки заново.

— Хлеб у отмели, печь здесь, а люди стоят на верхней дороге. Я вчера там велела ждать у пустого двора. Скажи, в который час можно начинать их спускать.

Он знал про пустой двор. Оттуда шли к воде те, кто бросил возы после разлива. За сараем стояла подвода, которая должна была забрать их к вечеру. Сивель кивнула на свёртки с рубахами у стены. На одном было написано углём «шесть», на другом «двое». Женщина у порога сложила на пол старый плащ и спросила Сивель, брать ли его для младшего. Сивель сказала брать: на отмели сядут на него, пока им покажут, куда идти.

Под лавкой у стены двое детей играли в переправу. Рекой у них была щель между досками пола, лодкой деревянная ложка. На ложку сажали ореховые скорлупки и перевозили на другую сторону. Один был гребцом, другой стражником у будки. Стражник забирал по скорлупке за каждый рейс.

— Так нечестно, — сказал гребец. — У меня их всего пять.

— Так у всех нечестно. Плати.

Сивель, проходя, нагнулась и положила гребцу в ладонь ещё три скорлупки. Стражнику ничего не дала. Тот подумал, перелез через щель и сел рядом с гребцом.

— Кто поведёт подводу? — спросил Морвен.

— Человек из нижней деревни обещал. Он говорит, если людей задержат у поворота, пойдёт через двор у поворота. До первого забора лошадь доведёт. Дальше вдоль воды места только на одного. Посмотришь, кому там лучше ждать?

Морвен вышел на крыльцо. Посыльный так и сидел, привалившись к косяку, и держал снятый сапог над землёй. Морвен присел, взял голенище и вывернул край. Подкладка была мокрой до середины. Он отнёс сапог к печи, а посыльному сказал, что обратную весть к мельнику понесёт сам. Оттуда до спуска можно было дойти по суше и посмотреть, где у поворота стоит караул.

У крыльца Элиар уже надевал плащ. Он завязал у горла шнурок, потому что застёжка накануне потерялась.

— Пойдём, — сказал он. — Мне надо поговорить с тобой до верхней дороги.

Морвен кивнул. Они миновали ворота и вышли по берегу к нижней деревне. Там у домов стлали свежие доски поверх размокшей тропы. Одна сломалась, пока Морвен ещё был на подъёме. Женщина с корзиной переступила через излом и пошла дальше. У последнего дома двое гребцов вытаскивали большую лодку, которую недавно ставили на козлы. Новый шов на днище закончили. Смола на нём ещё блестела. Вторую такую же лодку уже спустили и привязали к толстому столбу. Обе принадлежали хозяевам из нижней деревни, а чинил их Дейрон.

Он стоял на коленях у кормы первой и держал сухую тряпку под новым швом. Дейрон был широкий, с обожжённой смолой ладонью. Вдруг он поднял голову и посмотрел на гребцов у носа, хотя те ещё молчали. Через вздох один сказал другому, что тот тянет криво. Дейрон хмыкнул, и оба взялись за верёвку разом. Когда заметил Морвена, поднял руку. Гребцы потянули нос в воду. Тряпка пока оставалась сухой. Дейрон дождался, чтобы лодка села под собственным весом, потом отнёс тряпку на доски и дал Морвену потрогать.

— Эту берём завтра. Вторую тоже.

— Куда?

Дейрон посмотрел на Элиара. Тот остановился у навеса и не подходил к борту. Дейрон махнул ему рукой. Элиар спустился.

— На рассвете у дальнего причала смена. Между будкой и дорогой какое-то время остаются трое. Они пускают малую лодку за припасами, а новая стража подходит с верхней дороги. Два раза я видел, как оставшиеся у будки уходили вниз за бочками. Завтра увижу ещё раз. Если сделают так же, можно занять причал прежде, чем до них дойдут сменщики.

Морвен глянул на воду за Дейроном. Низкие полосы тумана всё ещё стояли у берега. Из-за них на дальнем настиле виднелись только крыши. Под крышей будки теперь обычно мелькали светлые спины людей. Сегодня там никого не было видно. Знак у будки отсюда казался тёмным пятном. Туман обходил его стороной, как вода обходит камень.

— На большой лодке подойдёшь к доскам, — сказал Морвен. — От будки до караульного дома ещё дорога.

Там, наверху, держали Ремека. Позавчера Морвен дальше нижних ступеней у будки так и не прошёл.

Дейрон проследил, куда он смотрит.

— Там теперь и ночью топят, — сказал он. — Раньше к вечеру труба остывала. Которую ночь дым до утра.

— А если смена придёт раньше? — спросил Морвен.

— Тогда уйдём. Лодки мне дороже причала.

Он вытер ладонь о колено и посмотрел на свежий шов.

— Ремек бы сказал, что я смолу не довёл. Он всегда ногтем пробовал: входит ноготь, переделывай. Мы с ним из-за этого два раза дрались, ещё мальчишками. Оба раза он был прав.

Дейрон вдавил в смолу ноготь. Ноготь не вошёл.

— Ну вот, — сказал Дейрон. — А то бы переделывал.

— Я пока говорю о досках. Оттуда можно отвести лодку, которую держат поперёк у дальних бочек, и не дать увести людей к дому. Пойдём дальше, если сможем оставить своих у воды.

— Кого оставишь?

Дейрон достал из-под куртки лист. Иллен вписал туда тех, кто был согласен подняться на защиту своего спуска. Возле двух имён Дейрон поставил маленькие черты. Морвен узнал одного гребца по двору. Тот вчера после наступления темноты ушёл домой, узнав, что туда пришли люди Кардуна.

— Эти двое согласились сойти с берега? — спросил он.

— Эти знают, что предстоит. Остальным скажу сегодня.

Элиар заглянул в лист. Дейрон не спрятал его. Снизу ударила волна. Лодка оттянула верёвку, и гребец положил на неё ладонь, пока не стало тише.

— Вчера никто не обещал ходить дальше своего двора, — сказал Элиар.

— Я иду со своими. Мне нужны гребцы.

— Пока гребцы повезут тебя на чужой причал, кто защитит их дома?

Дейрон посмотрел на ремонтную лодку. Один из гребцов упёрся пяткой в доску, другой подал ему причальный конец. Дейрон попросил привязать его свободнее. Если вода поднимется, лодку может прижать к столбу, а с утра понадобится вывести её за один раз.

— В нижней деревне останутся люди, — сказал он.

Элиар дождался, пока Дейрон уберёт список.

— Можешь сегодня проверить, кто согласится послать хоть двоих с верхней мельницы в нижнюю деревню? Ты обоих гребцов получишь сразу.

Дейрон не ответил. Он шагнул на кормовую скамью и опустил ладонь на днище, где тряпка успела собрать первую каплю. Старая доска осталась сухой, вода пришла по борту. Он вытер её рукавом и велел подать вёсла.

— Вечером приходи, — сказал он Морвену. — Скажешь, что у тебя для моих людей, кроме вопросов.

Дорогу к дому старосты проложили в обход воды. Под навесом сушилось несколько сетей. Староста снял одну с крюка, чтобы впустить Морвена, и позвал гребца, который вчера остался у своего двора. Гребец вышел из-за печи. На рукаве у него была повязка из старой шерсти. Морвен спросил, видел ли он вчера людей Кардуна у дома. Тот показал на закрытую ставню.

— Приходили трое. Спросили, на чьей лодке сегодня везут муку. Я сказал, что у меня лодка в ремонте. Они полезли под навес смотреть. Дед сел у них на пути, пришлось поднять его и отвести к печи. Когда я вернулся, уже ушли.

— На дороге сегодня кого-нибудь видел?

— Одного у поворота. Может, тот же. Снизу не разглядел.

Староста сел у окна и поставил коленом корзину на ребро.

— Поставим дозорного у двора, пока он возит людей, — сказал Морвен.

— Кто возьмётся стоять?

— Попрошу у мельника.

Гребец с шерстяной повязкой взглянул на него и кивнул так, как кивал у пристани, когда Морвен просил помочь вытянуть слишком тяжёлый воз. Ему оставалось посмотреть, сколько людей подойдёт.

Староста повёл их за изгородь, во двор, где гребца ждали ночью. Дверь придерживал мальчик. Из-за двери старик просил не ставить сапоги к дровам. Мальчик сказал, что после людей Кардуна к сараю приходил только сосед, за топором, а чужому у ограды он не откроет. Морвен постоял у поленницы. Оттуда были видны и ограда, и поворот, и даже щеколду было слышно.

— С утра выйду, если у двора встанет хоть один дозорный, — сказал гребец с шерстяной повязкой. — Рука держит. Это меня ночью дом удержал, не рука.

Морвен вернулся к навесу. Элиар ждал у сетей. С сети капала талая вода. Он придержал пальцами ячейку, когда Морвен вышел, чтобы та не зацепилась у него за плечо.

— Пойдёшь к мельнице? — спросил он.

Морвен сказал, что обещал дойти. Элиар пошёл рядом. Перед подъёмом их обогнала пустая подвода. Возчик назвал Сивель и попросил показать, где будет ждать людей. Морвен шёл возле оглобли и объяснял, у какой изгороди свернуть, чтобы выбраться на дорожку вдоль дворов. Возчик боялся потерять колесо у глубокой колеи. Он попросил взять лошадь за повод на спуске и пообещал из двора отправить мальчишку к Сивели, если доберётся. Морвен дотянул с ним до ровного места. Дальше была верхняя мельница.

На ровном возчик отпустил повод и спросил, не тот ли он Морвен, что водил Ремека.

— Тот.

— Он мне позапрошлой весной лошадь через реку перевёз. Она воды боялась, в лодку не шла. Он с ней полдня разговаривал, а потом завязал ей глаза своей рубахой и завёл. Рубаху назад не взял, сказал, лошади нужнее. — Возчик тронул вожжи. — Она её до сих пор жуёт, как к спуску ведём.

Морвен посмотрел на лошадь. Лошадь шла ровно и на него не глянула.

На подъёме Элиар отстал. Морвен обернулся и увидел, что тот стоит над канавой. В мутной воде лежала опрокинутая корзина, и из-под неё пыталась выбраться курица. Элиар спустился, поднял корзину, вынул курицу и подержал, пока та не перестала биться. Потом посадил на сухое. Курица посидела, глядя на него одним глазом, и пошла за ним до самой дороги.

— Чья? — спросил Морвен.

— Не знаю. Отнесу назад, если пойдём той же дорогой.

У первой колеи курица отстала. Элиар оглянулся на неё раз, другой. Морвен вспомнил, как он когда-то стоя благодарил старуху в низкой лодке, и ничего не сказал.

У мельника скрипело колесо. Дверь стояла нараспашку, чтобы выносить мешки. На площадке перед ней женщина с тряпкой ловила муку, которая выбивалась из плохо пришитого рукава. Мельник вышел с расстёгнутым передником, выслушал, что хлеб дошёл, и назвал время следующего помола. Потом Морвен попросил двоих на чужой дозор. Мельник показал за ограду. Там стояла телега с колесом, снятым с оси, и старик вырезал из ясеня чеку, придерживая нож сразу двумя большими пальцами. Его помощник держал колесо.

— У меня один чинит телегу, второй пойдёт с мешками, — сказал мельник. — Вчера у поворота люди Кардуна до темноты спрашивали, когда пойдёт следующий воз. Двоих дам, если скажешь, кто подежурит вместо них ночью.

Ещё позавчера Морвен назвал бы первый знакомый двор у ворот, там прислали бы людей и вечером записали, кто им должен. Теперь у него было только собственное имя. Он взялся за ремень и не сразу отпустил. У гребцовой ставни его ждали к ночи, у мельницы спрашивали сейчас, а на обе пристани он не успевал.

Женщина с тряпкой подошла к ограде. Вчера у поворота к ней подошёл человек с лампой и спросил, за чей мешок она идёт. Наутро, сказал, за этот мешок спросят уже в её доме.

— Пусть у мельницы останется тот, кого здесь знают, — сказала она. — У чужого навеса его всё равно сначала спросят, кто послал.

Чека выскользнула у старика и звякнула о камень. Пока Элиар искал её в траве, помощник подкатил колесо к ограде.

— Выйду на ночь к гребцу, — сказал он Морвену. — Только к первому помолу меня смени, мне с утра колесо на ось сажать. И скажи, к кому идти за ответом.

— Ко мне. Я назову того, кто сменит.

Элиар отдал старику найденную чеку. Старик повертел её, сдул травинку и сказал, что чека, которая раз упала, потом держит крепче. Помощник засмеялся: так старик говорил про каждую. Человек на ночь у гребцова двора теперь был. Сменщика к утру ещё предстояло найти.

— У Вааргута ты бы нашёл человека, — сказал Элиар.

— Теперь не найду. Он людей от ворот не даёт. — Морвен помолчал. — Да и тот, кого пошлют по приказу, завтра спросит, когда ему вернут смену.

— Тогда надо уметь ответить и завтра.

Элиар кивнул на сухой край поля. Там вчера ещё можно было пройти пешком.

— Кардун спрашивает, откуда каждый мешок. Через неделю он будет знать, в какой день у кого печь, — сказал он. — Сегодня ещё можно уговорить двоих дежурить у воды. Когда за службу будет отвечать Вааргут, они придут по приказу. Когда он перестанет отвечать, вернутся по домам.

— Ты хочешь поставить у мельницы кого-то своего?

— Я хочу, чтобы люди, которые смогут взять реку, понимали, что будет после. Сейчас Дейрон просит две лодки на утро. Если удастся взять причал, придётся держать его все следующие утра. Этого он у них ещё не просил.

Морвен отошёл от ограды. Они спустились к заброшенному желобу, где можно было говорить вдвоём. Вода из желоба ушла после последнего ремонта. На дне лежала галька, которую прошлой осенью принёс разлив. Морвен выбрал один плоский камень и подложил под сапог. Элиар сел на край и посмотрел, не идёт ли кто от мельницы.

— Ты помнишь пни у каменоломни? — спросил он.

— Ты ходил туда с Вааргутом.

— За ними была ещё дорога. Я видел записи о ней. Он показывал, куда она ведёт, и хотел знать, остался ли рабочий подход. Там есть вход в Пантеон.

Морвен не сразу вспомнил, где видел это слово. В доме Вааргута хранили свёртки, которые доставали, когда приезжали старые слуги с верхних дорог. Им давали один стол и просили сначала назвать год и место. Однажды Грамнар помогал Морвену убрать стол, снял с него несколько дощечек, поставил по ребру и велел подержать, пока он вытаскивал скобу. Среди написанного Морвен прочёл слово, которое теперь назвал Элиар. На дощечке оно стояло между двумя отметками о дороге. Вааргут тогда забрал её у него и положил к остальным.

— Для чего он искал дорогу? — спросил Морвен.

— Когда я спросил, он велел сперва проверить, сколько пути осталось от старых камней. Мы проверили. В последний раз до воды. Дальше я один не ходил.

— И ты хочешь идти сейчас?

— Сейчас хочу узнать, что там уцелело. В записях Вааргута сказано, что там берут силу, которой боги держат свои владения. Если войдём туда многие, а не один, никто больше не будет решать за всех, кого отдать в заложники ради пропуска.

— Ты бы позвал туда того, кто сейчас ставит колесо? — спросил Морвен.

Элиар обернулся к мельнице. Мужчину скрывала ограда, над ней виднелся только край поднятого колеса.

— Я бы сперва спросил его деревню, чего она хочет от общей переправы. И кого пошлёт говорить за неё, если найдём вход. Может, они сами выберут его. Сейчас он вышел бы на одну ночь, а утром ему надо домой.

— Сколько деревень захотят войти?

— Столько же спросят, кто войдёт первым. Я бы на их месте с этого начал.

— Если найдём проход, скажем им, что ещё нужно проверить, — сказал Морвен. — До тех пор я пойду за сменщиком с тем, что могу обещать на утро.

Элиар кивнул. Поднялся по склону к мельнице, присел у оси и придержал колесо, пока старик забивал чеку. К желобу он вернулся с белой полосой муки на плече.

— Вааргут тебе за меня что-нибудь сказал? — спросил он, садясь на край.

Морвен смотрел на гальку. Плоский камень под сапогом качался, и он придавил его сильнее.

— Сказал не брать людей от ворот.

— И всё?

— И всё.

Элиар кивнул, будто так и думал. Под грудиной у Морвена снова потяжелело, и он переступил с камня на траву, словно дело было в камне.

Морвен представил себе, как скажет про силу человеку с шерстяной повязкой на рукаве. Тот попросит сперва прислать ему смену к ставне. Слова о Пантеоне пригодились бы Дейрону, если бы завтра тот смог удержать пристань. За Ремеком кому-то идти всё равно придётся. Морвен спросил, сможет ли Элиар сказать, что увидит внутри.

Элиар покачал головой.

— Если вход цел, нужен ещё тот, кто умеет его открывать. А сила потом. Сначала пусть решат, кто будет держать берег.

— Кто решит?

— Те, кто держит. Кто даст людей в дозор, кто может своих отозвать, кому идти в Пантеон. Пусть сами говорят, какой спуск следующий.

Морвен слез с камня. Сверху, с площадки у мельницы, их снова позвали за мешком. Он не ответил и посмотрел на дорогу. Дорога была пуста.

— Кому ещё рассказал? — спросил Морвен.

— Троим. Мы сговорились ещё до явки, после Ремека. Астэр сверил старые отметки, Ориан нашёл описание подхода, Грамнар посмотрит камень. Ждут, пока я вернусь.

— А там кто?

— Хранитель. Хаден, он стережёт арку. Я его видел в прошлый раз. Если он ещё там, позову.

На мокрой траве у желоба отпечатался край сапога. Морвен потёр его носком и увидел, как из земли выступила вода. Элиар мог пойти к каменоломне и без него, как ходил с Вааргутом. На этот раз он назвал Морвену людей и дождался, пока тот выслушает. От мельницы спустился мельников работник с завёрнутым в холст хлебом. Мельник нашёл двоих, которые доведут воз до последнего двора. Дальше один вернётся к колесу, другой останется у дороги, пока не придут те, кого ждут у печи.

— Неси хлеб к Сивели, — сказал Морвен. — Скажи ей, что после крайнего двора люди пойдут пешком. До воды их надо встретить.

Работник посмотрел на Элиара, будто ждал, что его пошлют дальше. Элиар кивнул ему на тропу к сараю.

С края желоба было видно реку. Над дальним берегом, выше будки, темнела крыша караульного дома. Морвен смотрел на неё, пока Элиар не встал рядом.

— Ремек умел класть лодку на бок один, — сказал Элиар. — Я раз видел. Подставил плечо под борт и перевернул, а сам всё говорил с кем-то на берегу.

— Он и сейчас, наверно, говорит. Со стражей.

— Про что?

— Что у них лестница гнилая. Он бы не удержался.

Элиар коротко засмеялся. Потом спросил, правда ли Ремек поранил руку. Морвен вспомнил буквы, которые клонились не в ту сторону.

— Вааргут так сказал.

Элиар больше не спрашивал. Он смотрел на крышу долго. Ветер с реки шёл сырой, а от его плеча, где осталась мука, тянуло теплом, как от печной стенки. Морвен заметил это только потому, что сам стоял с подветренной стороны и перестал зябнуть.

Ключ от общего шкафа всё это время оставался у Морвена. Он вынул связку, снял ключ и передал его Элиару. Если вечером им ещё понадобится вернуться за сухими рукавицами, войдут вместе.

— Пойдём посмотрим, — сказал он. — На берегу я скажу только то, что сам увижу.

Элиар взял ключ и осмотрел зубец, у которого осталась вмятина.

— Если вернёмся поздно, шкаф будет закрыт.

— Тогда стучи ко мне.

Элиар сунул ключ за пазуху, туда, где раньше носил распоряжения Ваарґута, и застегнул ворот. Ключ, видно, был холодный: он поморщился, а потом вдруг улыбнулся.

Они пошли к каменоломне, где их ждали трое. С площадки мельник окликнул Морвена: от возчика прибежал мальчик, подвода уже у последнего двора.

— Отправь его к Сивели следом за хлебом, — сказал Морвен. — Пусть скажет, у чьего двора встречать.

— А чей это двор?

Морвен назвал имя возчика. Тот сам назвал его, пока они вели лошадь за повод. Мельник повторил имя и кивнул. Пока спускались к дороге, Морвен ещё слышал колесо. Перед поворотом оно затихло. Морвен обернулся. Дверь мельницы осталась открыта, и женщина с тряпкой держала рукав над пустым мешком, ждала, пока пустят воду. Элиар не обернулся. К каменоломне он уже ходил. В тот раз — с Ваарґутом.

Глава седьмая
Старая дорога

Морвен. У каменоломни.

Грамнар ждал их у последней изгороди. Вчера там пролезла корова, и хозяин подпер изгородь жердью. Грамнар вынул жердь, пропустил Морвена с Элиаром и вогнал её обратно в землю рукоятью молотка.

— Вы с пристани? — спросил он.

— С мельницы.

— Дейрон забрал верёвку, которую я ему обещал?

Морвен ответил, что видел его у больших лодок. Грамнар взвесил на руке моток, который принёс с собой, и передал Морвену. Внутри мотка оказался короткий железный клин с завёрнутой в тряпку головкой. Морвен передвинул клин на дно, чтобы тот не звякал о пряжку. Под пряжкой, во внутреннем кармане, лежало письмо Ремека. Морвен проверил, не промокло ли оно за дорогу, и застегнул карман.

— Дейрону у причала нужна толще, — сказал Грамнар. — Этой только себя придержать.

Сразу за изгородью дорога разбегалась. Верхняя ветвь шла по глинистому склону, нижняя сперва почти касалась воды, затем исчезала между камнями. Астэр стоял там, где разделялись колеи, и держал перед грудью дощечку с насечками. Ориан сидел на боку перевёрнутой телеги и читал тетрадь, держа её на колене. Он убрал палец со страницы только когда Элиар встал рядом.

— Сюда с верхнего берега ходили двумя путями, — сказал Ориан. — По первому возили камень. Второй идёт к старому входу. Здесь записали, что оба начинались от сторожки, пока у сторожки ещё была крыша.

Морвен видел у развилки три земляных бугра. От дороги в их сторону уходили ровные полосы травы. Под одной мог лежать фундамент. Ориан показал на бугор у нижней ветви и спросил, бывал ли Морвен здесь до последнего разлива.

— Бывал. Я вёл лошадей наверх. Вааргут всегда брал верхнюю.

— И мы возьмём, — сказал Элиар. — По нижней дойдём до затопленного колодца. Оттуда придётся вернуться.

У развилки хрустнуло дерево. Из нижней колеи показалась женщина с двумя пустыми корзинами на одном ремне. Нижняя цеплялась за камни, и женщина то и дело перекидывала её выше. Астэр шагнул к ней и спросил, проходима ли нижняя дорога.

— До старой сторожки, — сказала женщина. — Дальше на воде лежат ветки. Налегке переберёшься, с корзиной нет. Вам куда?

— К пням, — сказал Ориан.

— Тогда берите верхнюю и не спускайтесь раньше пней. У каменоломни от сторожки осталась короткая стойка, под ней я ставлю корзины, когда хожу за корой. Ничего к ней не привязывайте, она еле держится.

— А вехи остались? — спросил Астэр.

Женщина показала на высокий бугор. Когда она ходила туда с отцом, веха торчала у третьего пня. Веху потом забрали на забор, а гвоздь, может, так и сидит в камне. Ориан записал это, не раскрывая тетрадь до конца.

— Вчера у заставы спросили, с кем я хожу, — сказала женщина. — Я показала обе руки. В одной дрова, в другой корзина. Посмеялись и пропустили. В другой раз могут пойти смотреть. Через мою калитку не ходите.

Она подняла корзины. Морвен подхватил ремень, чтобы она просунула под него руку. Женщина посмотрела на верёвку у Грамнара, но спрашивать ничего не стала и пошла вдоль изгороди, придерживая нижнюю корзину за край.

Астэр опустил дощечку и посмотрел вниз, где из-за камня торчали три верхушки кустов. Оттуда шёл тонкий шум. На этом берегу столько воды могло стоять только в старой выработке. Ориан повернул голову на звук и послушал.

— Там глубоко, — сказал он. — Больше чем в рост. И вода не стоит, уходит куда-то под камень.

Морвен помнил, как в прошлый раз один из работников принёс оттуда ведро и вылил всё на дороге. Вода оказалась горькой. Лошади больше к тому ведру не подходили.

К полудню верхнюю ветвь осветило солнце. Идти приходилось по краю, где корни подняли глину над обледенелой колеёй. За поворотом Астэр остановился у плоского камня. Дальше дорога уходила под еловые лапы, к последним пням.

На камне Астэр нашёл крошечную лунку. Он расчистил её ногтем, приставил край дощечки и оглянулся на Морвена.

— Кто прежде держал каменоломню?

— Ваарґут посылал сюда за плитами. В дальних выработках работали свои люди. Зимой нанимали с обоих берегов.

— Тогда здесь должны были стоять вешки. Видишь, где гвоздь?

В лунке был тёмный край железа. Морвен мог дотронуться до него мизинцем. Железо уходило косо вниз. Астэр выпрямился, посмотрел на ближний пень, затем прошёл к дальнему. Оттуда показал Морвену, где сходятся два ската.

— Сейчас держи в памяти эту лунку, — сказал он. — На обратном пути будет другая тень. Если пойдёшь по ней, спустишься к воде.

Морвен никогда не заходил сюда так далеко в полдень. С Ваарґутом они выходили затемно. На верхней дороге меняли лошадей, а к каменоломне добирались, когда небо начинало белеть. Ваарґут ставил фонарь на плоский пень и проверял, видно ли оттуда дальнюю кромку утёса. Морвен тогда держал лошадей, потому что одна всё норовила сунуть нос в глину. Ваарґут забирал фонарь, шёл за последним пнём с Элиаром, и оба возвращались вскоре. Иногда от плаща Элиара тянуло водой. Морвену казалось, они ходили к колодцу.

Он нашёл тот пень. Плоская сторона, на которой Ваарґут оставлял фонарь, почернела. В древесину врос кусок жестяного основания. Морвен попробовал подцепить его клином. Элиар остановил его за запястье.

— Оставь. Если ещё придём до свету, пригодится.

Морвен убрал клин. Он вспомнил, что фонарь на этом пне не мигал даже на ветру, когда с утёса тянуло так, что лошади прижимали уши. Тогда он решил, что Ваарґут умеет ставить ставню. Других фонарей, которые так горели, он с тех пор не видел.

Ориан разложил тетрадь на соседнем пне. Бумага на углах расслаивалась. Морвен придержал край, пока Ориан искал строку, которую уже прочитал у сторожки.

— Две зарубки на плите, потом три на стене. Дальше идёт старое слово. Можно прочесть «за стеной», можно «ниже стены». В поздней записи человек пишет, что плита обвалилась. Он возвращался к дороге и снова дошёл до неё сверху.

— Это разные люди писали? — спросил Морвен.

Ориан провёл пальцем вдоль края.

— Одного я знаю по руке. Он ставил отсюда до верхних пристаней вехи для возов. Остальные могли переписывать за ним. Здесь пятно. Видишь, как черта упирается в пустое место? Если бы писали на дороге, мазок остался бы в одном экземпляре. В следующей книге он повторён. Значит, человек уже переписывал со старого листа.

Грамнар взял у Морвена клин. Пошёл вдоль пней и поднял его над головой. Солнце блеснуло по железу. Сначала Астэр смотрел на клин, затем попросил Грамнара шагнуть к левому краю пня. Оттуда между двумя уступами открылось место, где ветер выворачивал сухую траву наружу. Астэр снял с пояса шнурок и протянул его вдоль насечки на дощечке.

— За утренней звездой смотрели отсюда, — сказал он. — Если от камня с гвоздём провести взгляд по верхней кромке, она окажется в той щели перед рассветом. Верхняя ложбина останется справа. Нам в нижнюю.

Морвен заглянул за край. В нижней ложбине было темно. В верхней среди камней стояла вода, и у одной выемки копались птицы.

— Ты сюда и шёл с Вааргутом? — спросил Морвен.

Элиар спустился на первый уступ и оттуда показал назад, к пням.

— Тогда был след от телеги до самого края. Последняя колея выводила прямо сюда. После разлива её занесло. Теперь я вижу, куда она ушла. У стены упиралась в брошенную тачку. Её можно было обойти, если идти боком.

Морвен всмотрелся в ложбину. Вода унесла и тачку, и настил, на котором она стояла. Под ближней стеной остался один крюк. Его вбивали, чтобы подтягивать тяжести на верёвке. Крюк висел концом вверх, а в выбоине под ним ещё держалась деревянная щепа. Грамнар разглядел щепу сверху и попросил Морвена придержать верёвку у верхнего пня.

Ориан отошёл от пня к месту, где дорога пропадала в траве. В тетради у нижней ветви стояли два коротких слова. Он сказал, что раньше считал их названием одной тропы. Теперь может показать обе, но не знает, как их различали те, кто шёл без света.

Морвен спустился следом. Под травой лежал плоский камень со следом от обода. На верхней стороне он был стёрт, с нижней от него отходила вода. Элиар сказал, что Вааргут тогда поставил телегу оглоблями к этому камню. Дальше они шли пешком. Возчик ждал у колеса и по одному звал тех, кто возвращался от арки. Морвен припомнил голос и то, как долго возчик не подходил к пню. Он слышал его дважды и оба раза думал, что с другой стороны подошли люди из каменоломни.

Теперь он вспомнил и другое. Во второй раз возчик звал по именам, и одно имя повторял, пока не стемнело. На него никто не вышел. Обратно телега шла с пустым местом на задке. Вааргут велел туда ничего не класть, и всю дорогу никто не сел на это место, хотя ноги у всех гудели. Тогда Морвен решил, что человек ушёл в каменоломню другой тропой. Больше он об этом не думал.

— Позови отсюда Астэра, — сказал Морвен.

Ориан назвал имя вполголоса, потом громче. Сверху ответили. Морвен попросил Астэра остаться у пня и спустился ещё на несколько шагов. Теперь его закрывала стена. Сверху снова крикнули. Он разобрал первый звук, дальше голос ушёл в ложбину. Морвен поднялся к следу обода. Здесь снова было слышно, даже когда Астэр говорил негромко.

— Если кто-то останется наверху, его надо видеть, — сказал Морвен.

Ориан шагнул к стене, заслонился рукавом от солнца и показал на сухой выступ перед спуском. С этого места было видно и пень, и край у воды. Он встал там и поднял ладонь. Астэр тоже поднял ладонь. Морвен посмотрел на них обоих, затем опустил взгляд на глину. Дальше от стены следы опять наливались водой. Если возвращаться быстро, сухой выступ можно было миновать, даже не заметив его.

— Подожду здесь, — сказал Ориан. — Как Грамнар закрепит верёвку, подай знак.

Морвен обернулся к Грамнару. Тот уже соскрёб грязь с каблуков и примерял верёвку к поясу.

Грамнар вытащил из травы колышек. В земле он держался так слабо, что вышел с одного раза. Грамнар бросил его назад в колею и показал на пень выше. Корни у него выступали с обеих сторон. Между ними можно было поставить сапог и не съехать к краю, пока другой идёт вниз. Астэр переступил с камня и прижал подошву к корню. Тот не подался.

Морвен закрепил конец верёвки на пне. Грамнар обвязался свободным концом и спустился вдоль стены, проверяя камень молотком. У самого края он остановился ещё до удара, будто нога сама не пошла дальше, и только потом стукнул. Камень ответил пустым звуком.

Грамнар велел туда не ступать. Он перешёл через щель, подобрался к крюку и навалился на него сбоку. Деревянная щепа вылетела. Крюк выдержал. Грамнар отвязал верёвку от пояса, закрепил её на крюке и показал, где держаться на спуске.

Морвен махнул Ориану с края у крюка. Тот поднял ладонь и сошёл к верёвке. Морвен подал ему руку. Тетрадь тот спрятал под рубаху. Сверху одежду перетянул ремнём, чтобы тетрадь не выпала, когда он полезет боком. Внизу камень был мокрым. Морвен упёрся ногой, подождал, пока Ориан сойдёт на землю, и отпустил верёвку. Астэр показался сверху, занёс ногу над щелью и взялся за неё обеими руками.

У ложбины оказалось два дна. По одному тонкой полосой шла вода. Второе, повыше, целиком покрывала светлая глина. Они шагнули на глину и сразу подняли грязь до щиколоток. Грамнар повернул налево, туда, где из осыпи торчала плита. Край у неё был отбит. Элиар обошёл её сверху и вернулся со словами, что здесь прежде оставался столбик. Ориан нагнулся у воды. Пришлось вытянуть руку, почти лечь на камень и вычерпать грязь из двух бороздок. Первую бороздку он расчистил пальцем. Во вторую вошёл весь край ногтя.

— Две, — сказал он.

Морвен стоял выше и видел, что у плиты с обратной стороны впадина. Когда через неё шла вода, лицевая часть плиты оставалась сухой. Кто-то поставил её у прохода так, чтобы зарубки были видны с дороги. После падения они оказались у земли. Чтобы прочитать их, человеку пришлось бы спуститься, как только что спустился Ориан. Из тех, кто теперь ходит по верхней ветви, никто не увидел бы плиту даже в полдень.

Ориан выпрямился и показал в сторону дальнего ската, где над водой торчал острый камень. С этой точки и от плиты направление совпадало. Астэр посмотрел вдоль склона и пошёл по берегу, пока сухое дно не оборвалось. На стене за изгибом нашлись три зарубки. Две были высоко, третью забило глиной. В ней засохла тонкая травинка. Астэр вынул травинку и положил Ориану в ладонь.

— До третьей ещё можно дотянуться, — сказал Астэр.

Морвен поднял взгляд. Над зарубками в стену уходила тень, которую он сначала принял за уступ. Когда подошёл ближе, за ней проступила арка. От арки до воды было шагов двадцать. Подъём к ней засыпало щебнем. По щебню кто-то провёл щёткой, оставив полосу шириной с ладонь. Из-под глины показался край вырубленной ступени.

Грамнар пошёл вперёд и опустил ладонь в выемку у самого порога. Морвен вынул фонарь и приоткрыл ставню ровно настолько, чтобы осветить камень под рукой Грамнара. Выемка уходила глубоко под правую опору арки. На краю был выбит второй, более узкий паз. Грамнар взял клин и приложил поперёк. Клин оказался короче паза. Грамнар убрал его и выпрямился.

— Тут что-то стояло и давило вбок. Тягу заводили сюда снаружи. Видишь, дальше паз уходит под пол? Тот, кто внутри, до этого конца уже не дотянется.

— Ты знаешь, чем заменить? — спросил Элиар.

— Когда увижу второй конец. Сейчас я вижу камень, куда что-то вставляли. Клин здесь можно только потерять.

Морвен поднял фонарь. За аркой виднелся короткий пустой ход. В конце стояла другая плита. Справа к ней подходила узкая полоса вымытого камня. По полу в темноту уходила ложбинка, ещё мокрая от воды. Морвен посветил выше и увидел на нижнем краю плиты такие же следы щётки, как у порога. Те, кто сюда ходил, расчищали ход и за аркой.

Элиар шагнул на нижнюю ступень. Камень под его ногой остался сух. Он посмотрел через плечо на Морвена, потом остановился и протянул ладонь за фонарём. Морвен отдал фонарь и вошёл следом до порога. Стало слышно, как вода капает где-то под полом. На воздухе этот звук заглушал ветер.

Из глубины хода тянуло холодом. Не сыростью, как из погреба, а сухим холодом, как от железа зимой. Огонь в фонаре наклонился к плите, словно его туда звали, и выпрямился, когда

Элиар поднял фонарь к плечу. У Элиара в руке он разгорелся ярче, чем горел у Морвена, и пальцам рядом с ним стало теплее. Капель под полом смолкла. Морвен поймал себя на том, что ждёт, когда она начнётся снова, как ждут шагов за дверью. Она началась не скоро.

— До воды вы дошли здесь? — спросил он.

— Здесь. В прошлый раз уровень был выше. Вааргут послал меня за тем, кто знал, когда можно идти понизу. Пока я ходил, он сам промерил ход от порога до второй плиты. Я привёл того человека. Он остался у ступеней, а мы с Вааргутом пошли к плите.

— До плиты доходили?

— Доходили. С этой стороны она глухая. Есть одна щель у пола. Вааргут просил записать, какой ширины. Я приложил шнурок, дома сверил.

Элиар держал фонарь у плеча. Внизу, возле пятки плиты, виднелась чёрная полоса. Морвен прикинул, что шнурок в неё лёг бы плашмя. Между плитой и стеной не осталось места даже для пальца. Он присел и поднёс ладонь к щели. Холод лёг на пальцы ровно и тяжело, как чужая ладонь, которая проверяет, тёплый ли ты. Морвен убрал руку и вытер её о колено, хотя она была сухой.

Он вспомнил один из прежних выездов. Вааргут стоял у пня с размотанным шнурком. Сначала приложил его к собственному рукаву, потом сунул конец в ладонь Морвена. Спросил, как далеко можно пройти, если вода покроет камень на эту глубину. Морвен ответил, что зависит от дна. Вааргут велел держать лошадей и ушёл с Элиаром. На обратном пути шнурок был мокрым. Тогда Морвен искал глазами, не повредилась ли упряжь.

— Почему мне велели ждать? — спросил он.

— Ты спросил его?

Морвен покачал головой. Тогда у пня каждый знал свою работу. Пока Элиар ходил за Вааргутом, Морвену оставалось держать лошадей и ждать шагов. С Ремеком было так же. Морвен довёл его до двери, сказал, что вернёт домой, и остался снаружи, потому что так велели. Что было за дверью, он узнал потом, от других, и не всё. Тогда ему тоже не пришло в голову спросить.

— Сказал бы раньше, я мог сходить с тобой, — сказал Морвен.

— Ты бы пошёл?

Морвен посмотрел на мокрый низ плиты. Тогда бы он сперва поднял фонарь, потом спросил Вааргута, где нужен. Элиар подождал ответа. Из-за арки Грамнар попросил вернуть фонарь. Он хотел проверить, куда уходит камень под правым пазом. Морвен забрал фонарь у Элиара и передал Грамнару. Лицо Элиара исчезло в темноте. Морвену пришлось отступить, чтобы видеть, где тот поставил ногу.

— Вааргуту скажешь, что мы здесь были? — спросил Морвен.

— А ты скажешь?

Морвен подумал о том, как войдёт завтра в ворота и пройдёт мимо стола с тёмной книгой. Он ничего не скажет, если не спросят. Если спросят, придётся говорить. От одной этой мысли под грудиной легла тяжесть, та самая, что появилась у Вааргутова стола, когда тот записал его имя рядом с именем Элиара. Морвен вдохнул поглубже, но она не ушла.

— Если спросит, — сказал Морвен.

— Он спросит, — сказал Элиар. — Не завтра, так потом. Он всегда спрашивает, когда уже знает.

Грамнар повернулся с фонарём, и Морвен увидел на рукаве Элиара две полосы глины. Одна шла по локтю, другая поперёк запястья. Морвен спросил, стоял ли Вааргут тогда так же близко к плите. Элиар ответил, что после возвращения держал лампу, пока Вааргут мерил край плиты. Плита не двигалась. Приложив мерку, Вааргут велел вернуть лампу к порогу. Дальше Элиар не видел.

Элиар отряхнул рукав.

— Если Хаден ещё ходит к арке, первым делом спросит, кто ещё знает про ход.

— Мы пятеро, — сказал Морвен.

— И женщина с корзинами. Она видела, где мы сошли с дороги. А ход ей могли показать раньше, пока каменоломня ещё работала.

— Ты ей скажешь, что мы нашли? — спросил Морвен.

— Если спросит, скажу, что за первой аркой закрытая плита. Остального я и сам не знаю.

Грамнар поднял фонарь к выемке. Ориан позвал его от арки и спросил, что записывать про паз. Грамнар попросил поставить только место и глубину. Чем его открывали, он пока сказать не мог. Астэр у входа оглянулся на склон. В тишине было слышно, как сверху скатился камень. Он подождал, пока тот дойдёт до воды, и вернулся к остальным.

Ориан сел снаружи и вынул тетрадь. На чистом краю он записал, что плита у входа лежит боком и зарубки видны от воды. Затем добавил три зарубки на стене. Астэр остановил его у третьей строки и показал, где стоит камень с гвоздём. С этого места его не было видно, но выше над камнем торчала светлая кромка утёса. Ориан провёл через рисунок одну линию и попросил Астэра проверить её. Астэр прищурился, передвинул тетрадь и прикрыл большим пальцем лишний поворот. Вместе они смотрели на одну стену. Каждый помнил дорогу со своей стороны.

Морвен вышел к воде и увидел за аркой дорожку. По ней кто-то недавно тащил то ли корзину, то ли вязанку. На боковом выступе в глине остались два сухих пятна от подошв. Дальше дорожка поднималась к камням, откуда доносились голоса. Говорили двое. Один спросил, на сколько дворов дров. Второй ответил, что у него разрешение с прошлой недели. Первому понадобилось имя. Потом над скатом хлопнула доска.

Морвен вернулся к своим и указал наверх. Ориан затянул ремень на тетради. Астэр поднялся на камень, с которого было видно дорожку. У края ската он замер и махнул Морвену подойти. Морвен встал рядом. По верхней дороге шёл человек с поленом на плече. Он миновал стойку с выжженным знаком Кардуна и спустился в ложбину на той стороне. Следом стражник протянул руку женщине с корзиной. Она подала дощечку и ждала, пока тот прочтёт её. Морвену до знака пришлось бы подняться на целый склон. Зато с верхней дороги было видно, кто оставит ложбину через тот же выход.

— Мы уйдём по верёвке, — сказал Астэр.

Элиар встал у арки и прислушался. Грамнар поднёс фонарь к выемке. С той стороны, откуда шла вода, вдруг заскребли по камню. Морвен обернулся. Под скатом появилась щётка с короткой ручкой. Человек с мокрой тряпкой под локтем встал на очищенную ступень и снял со стены плоскую доску. За ней лежала небольшая груда камней. Он поставил доску ребром к щели, которую Грамнар только что осматривал, и просунул пальцы между доской и кладкой. Потом поднял голову.

— Если двинешь фонарь выше, увидят с заставы, — сказал он Грамнару.

Грамнар опустил руку. Человек отряхнул щётку и выпрямился. У него на куртке от воды потемнел шов вдоль правого плеча. Морвен видел, что он дышит ровно, хотя поднялся по мокрому скату без верёвки. За аркой под полом снова закапало.

— Я думал, ты придёшь один, — сказал человек Элиару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.